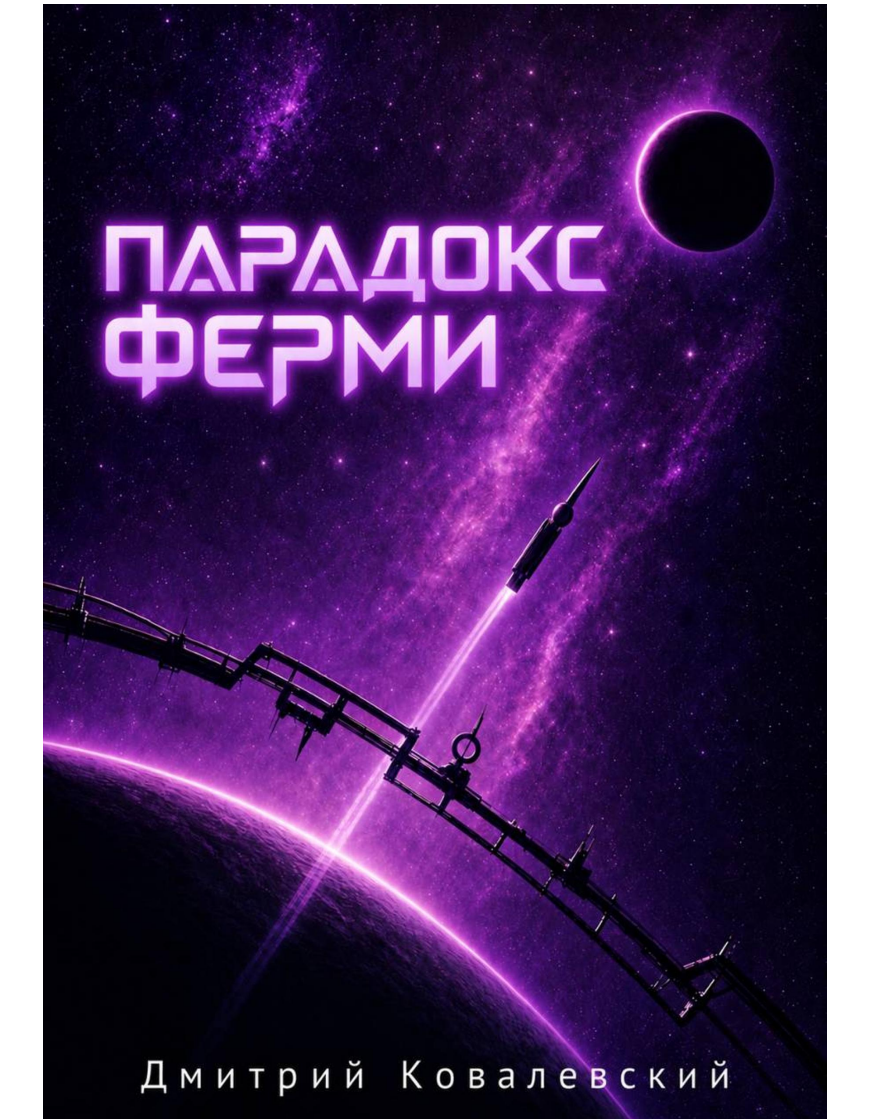

ПАРАДОКС ФЕРМИ

Дмитрий Ковалевский

Дмитрий Ковалевский

Парадокс Ферми

<https://litres.ru/74664904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец XXI века, Москва, молодой космонавт Андрей Ларин в составе экспедиции «Одиссея-2» одним из первых отправляется в соседнюю солнечную систему. Он надеется осуществить свою мечту — первым встретить внеземной разум.

Однако с самого начала миссия идёт не по плану: звездолёт лишается связи с Землёй, одна из членов экипажа оказывается ранена, а на борту обнаруживается младенец, который слишком быстро растёт и, похоже, обладает сверхъестественными способностями.

Под обложкой вы найдёте светлый образ будущего, романтические пейзажи космоса, рискованные приключения, уютные философские беседы и ответ на вопрос, волнующий всё человечество — одни ли мы во Вселенной?

Содержание

Предисловие — Пролог	5
Глава I «Билет до орбиты»	12
Глава II «Звёздные тилацины»	31
ГЛАВА III: «Скачки»	59
Глава IV «Девочка с Луны»	76
Глава V: «Что делать с найдёнышем?»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Дмитрий Ковалевский

Парадокс Ферми

ПАРАДОКС ФЕРМИ

Дмитрий Ковалевский

Предисловие — Пролог

Это было в Абхазии. Платформа на несколько коротких мгновений зависла над невыразимо красивыми альпийскими лугами, а затем мягко поплыла дальше, на восток — туда, откуда дул прохладный летний ветерок. В пяти сотнях метров под ними, подобно барханам, вырастали склоны гор. Они были шелковистыми, как кошачья спина; тут и там среди травы встречались россыпи белых и сиреневых цветов — должно быть, одуванчики, звездчатка или незабудки. Сложно было отсюда различить.

Одно из нагорий кончалось плато, и за краем утёса скала резко уходила вниз, удваивая расстояние от нас до земли. Платформа, конечно, полетела над пропастью, и у Гриши перехватило дыхание. Вообще-то, он не боялся высоты, но так совпало, что в ту же минуту на них обрушился порыв ветра. Ничего серьёзного, только исходивший из термоса пар снесло, но Гриша подумал вдруг о том, что бортики их парящей платформы не слишком высоки, и при должном старании через них-таки можно перевалиться. Заметив его смятение, Павел Игоревич улыбнулся.

Извилистая горная речка ниспадала в ущелье бледно-голубым водопадом, и дальше посреди камней пробивала себе дорогу к Чёрному морю.

— Ты веришь в инопланетян? — спросил Павел влоб.

— Право тебе, это же не Господь Бог, чтобы в него верить,
— растерялся Гриша. — Задай вопрос иначе.
— Веришь ли ты, Гриша, что мы во Вселенной не одни?
— Не отступал его приятель.

Плотно прижимая свои седеющие усы к кружке, Павел Игоревич попивал чай. Гриша не помнил, как разговор их сошёл к поиску внеземного разума. Начинали они, кажется, с того, несёт ли опасность экологии африканского континента перспектива проложить вдоль материка канал. Но, как это бывает в хорошей компании, мысль их улетела в далёкие дали.

— Я в этом смысле скептик, — ответил Гриша честно. — До сих пор мы так и не нашли подтверждений тому, что за пределами Земли есть хоть кто-то.

— Ты знаешь, что скептицизмом часто называют обыкновенное занудство?

Занудой Гришу называли достаточно часто, чтобы на это не обижаться.

— Поражаюсь тебе, Павел, — сказал он. — Ты рассуждаешь над совершенно научными вопросами так, будто это философская концепция.

Между прочим, Павел Игоревич действительно был философом. И потому единственным местом, где ему дали работу, стал университет. Павел Игоревич этим страшно гордился и всячески старался соответствовать образу преподавателя: он носил костюм-двойку серого цвета, тщательно за-

лизывал волосы на левую сторону и даже отрастил под носом щётку, как Ницше.

— Парадокс, — заметил Гриша. — И у него даже есть название. Может, ты слышал — «Парадокс великого молчания». Был такой итальянский физик, Энрико Ферми. Так вот, он первым задал вопрос: как же так? Мы шлём в космос сигналы. Откуда там, из Крыма, Полинезии. В Америке стоит тарелка. Кричим: «Эй, инопланетяне, мы здесь! Прилетайте к нам, а то мы к вам не можем, крылья малы». Вселенная огромна, и даже в нашей галактике существуют сотни экзопланет, похожих на Землю. По всем признакам, у нас должны быть соседи. Однако в эфире глухо. Нам никто не отвечает. Парадокс. Парадокс Ферми.

Павел Игоревич, хотя и был человеком незаурядной эрудиции, от астрономии и космологии оставался далёк. И вопрос свой он задал из любопытства, как философ. Грише подумалось, что подробный ответ утомит его собеседника, но Павел напротив, похоже, заинтересовался.

— Но разве не может быть такого, что жители других планет просто ещё не добрались до нас? У них нет нужных технологий или, может быть, они есть — просто летят пришельцы не туда, куда нужно. Мы ведь тоже едва выползли за пределы Солнечной системы и считаем себя чрезвычайно развитой цивилизацией.

— Хотя имеем для этого не так много оснований, — дополнил Павла Гриша. — И это один из вариантов разреше-

ния парадокса великого молчания. Другая гипотеза называется «гипотезой зоопарка». Мы, мол, земляне, развиваемся своим чередом. А инопланетяне наблюдают за нами, но не вмешиваются, чтобы не нарушить хрупкий баланс биосферы. Земля для них — что-то вроде заповедника.

— Да, — обрадовался Павел. — Я читал похожую книгу. Старую. Про планету, на которой царило средневековье, а земные учёные со стороны смотрели, как и куда движется цивилизация.

Гриша взглянул на небо — его понемногу заволакивали облака, будто отрезая их от космоса и возвращая во тьму веков. Серым ребристым силуэтом отсюда было видно Кольцо. Вдруг небосвод будто ткнули иголкой и в месте укола что-то очень ярко вспыхнуло розовым. Кто-то прибыл издалека.

— А третья теория, — продолжил Гриша, всё так же глядя вверх. — Это гипотеза «тёмного леса». О том, что все разумные цивилизации хранят молчание, чтобы не навлечь на себя беду. Пока мы, как ненормальные, жжём костры посреди джунглей и вопим, не подозревая, какие хищники нас окружают. Мне, правда, кажется, что любая цивилизация, чей прогресс позволил ей совершить межзвёздный перелёт, априори должна уже пройти этап воинственности и исповедовать гуманизм, тем более к инопланетным расам.

— Совсем нет, — замотал головой Павел Игоревич. — А если мы положим, что пришельцам так повезло с планетой, что у них произрастает какое-нибудь, скажем, дерево, кото-

рое способно преодолевать десятки световых лет за минуту. Сел на него и — вперёд. И никаких миллионов лет эволюции не нужно. Всякое ведь может быть во Вселенной. Представь, чтобы римляне оседлали деревья и отправились в космос. Каких бы они дел там наворотили!

Гриша даже рассмеялся, представив себе легионеров, бороздящих просторы галактики верхом на кипарисе. Природа Абхазии определённо его вдохновляла. Павел порой рассуждал, как ребёнок. Однако правда в том, что истины они не знают. Разгадки парадокса Ферми, сформулированного больше двух веков назад, до сих пор нет. Быть может, все гипотезы верны, а может дело обстоять и так, что не верна ни одна. Не исключено, что мы действительно уникальны, и других разумных существ во Вселенной просто нет. С каждым годом неудачные попытки найти жизнь на экзопланетах всё ближе подводили Гришу к этому убеждению. И несмотря на всю несуразность выдвинутого его другом предположения, совсем не исключено, что в один день к нам действительно явятся бронированные пришельцы верхом на здоровом каштане. Наша физика такую вероятность не допускает — но у них может найтись своя.

Своим умозаключением Гриша поделился с Павлом, и тот многозначительно кивнул и допил чай. Тем временем платформа завершила путь над ущельем и вернулась к пологим склонам. Один из них, тот, что был слева, поднимался высоко, и его вершина почти сравнялась с платформой. На го-

ризонте в дымке таяло море. Погода потихоньку портилась. На бортике замигал и запищал красный огонёк; это значило, что маршрут завершён. У причала в Гагре ждала следующая группа, и платформа медленно поползла назад другим путём. Гриша обрадовался тому, что не придётся снова лететь над расселиной. И всё-таки ему не давала покоя мысль о том, что человек сумел так много, но так мало узнал. Подумать только: мы парим, словно птицы, в сотнях метров над землёй, а над головой у нас огромный искусственный пояс нашей планеты. А мы так и не умеем ответить на главный вопрос цивилизации — есть ли в мире нам подобные? С другой стороны, телескопы не всесильны и не дают нам точной картины того, как устроена та или иная планета. А сами мы вот только-только смогли воочию увидеть край другой системы.

— Ладно, мы с тобой, по сути дела, пустословим, — сказал он Павлу. — Всё гадаем. Со дня на день вернётся «Странник», и мир станет чуть понятнее.

— Едва ли, думаю, — вздохнул Павел Игоревич.

Гриша промолчал. «Странника» ждала без преувеличения вся планета. Никто не знал, какие вести или находки он принесёт. Но экспедиция совершенно точно возвращалась.

— А Она знает, — бросил Павел словно бы невзначай.

— Кто «она»?

— Не отвечу. Потому что сам без понятия, — хитро заулыбался Павел. — Но я уверен, что Знающая, кем бы она ни была, — обязательно женщина. Женщины, особенно ма-

тери, вообще знают больше, чем можно себе вообразить. Это если не сказать — всё. Так что, если есть в мире кто-то, кому известны ответы на все вопросы, это, безусловно, женщина. Такова моя философская концепция.

Что же, с философскими концепциями спорить себе дороже.

Глава I «Билет до орбиты»

Ура! Я был запредельно счастлив. Очень редко бывает такое, чтобы новости в понедельник утром радовали. Особенно того, кто встал ни свет, ни заря, проспав четыре часа, два из которых он ворочался, борясь с бессонницей. Глаза мои слипались, и я почти ничего не видел. Но, сбросив сонную одурь, одним рывком вскочил с постели и в два прыжка добрался до умывальника.

Какая удача! Это, конечно, удручающее известие, но только не для меня.

Холодная вода быстро привела меня в чувства. Было мрачно и прохладно. Я включил свет. Он нарисовал на стене чёрный квадрат окна, за которым темнело морозное январское утро. Мне бы ещё пару часиков можно было и полежать, но это предприятие было обречено на провал. Целую ночь мне не давало покоя ожидание «Странника». Точное время посадки определить не могли, и все каналы наперебой сыпали молниями: вот «Странник» пошёл на стыковку, а вот — и нет, его пока только наблюдают с Кольца.

На этих качелях общественность катали весь вечер, и я решил просто уснуть, а по пробуждению узнать, с чем вернулись первопроходцы. Ха, как это было наивно! Вместо этого я переворачивался с одного бока на другой и вертел подушку в поисках самой мягкой стороны, прокручивая варианты

развития событий.

Да — они вернулись ни с чем. В сети уже болтались две фотографии. На одной капитан Лекомцев и старший помощник Вега спускались по трапу. Лица у них были довольные. Наверное, от того, что встречала их такая толпа. Снимок был пользовательский, сделанный издалека. Зону посадки оградили, и вокруг «Странника» не было никого, кроме нескольких полицейских и еще двух человек в фуражках и парадной форме. Они стояли спиной, так что различить их я сперва не смог.

Вторую фотографию сделал ТАСС, и она была куда качественнее первой. Теперь людей в фуражках было уже трое. Двоих я узнал — это были генерал-полковник ВКС Лурджа и Геннадий Вяточкин, директор то ли Северо-Западного, то ли Пятого космодрома. Последним был уса́тый мужчина с обвисшими, как перезревшие груши, щеками. Вид у него был уставший, но он вместе со всеми приветствовал астронавтов, приложив руку к козырьку. Наверное, это был какой-нибудь главный консул Земли, назначенный на случай контакта с космическими цивилизациями. Если так, должно быть, он предвидел скорое упразднение занимаемой должности и мёрз в своих синих брюках. Ведь команда Лекомцева не то, что инопланетян не привезла — она даже высадиться на Пенелопу, крайнюю планету ближайшей к нам системы Калипсо, не смогла. Тем не менее, все четверо астронавтов держались уверенно, проходя мимо встречающих, а сам капитан

козырял Лурдже.

Как славно сошлись звёзды! Мой шанс, грандиозный шанс, думал я, прыгая по спальне в одном носке и пытаюсь натянуть второй. Ларсик смотрел на меня из-за дверного проёма, словно санитар на душевнобольного. Во взгляде его читалось отчаянное принятие в смеси с глубоким природным безразличием к моим выходкам. Этим Ларсик меня часто обижал, но ему было всё равно.

Наконец одевшись, я выбежал в коридор. В животе урчало, но я успокоил себя тем, что обернусь к полудню и устрою поздний завтрак. Вот Ларса бы покормить. Однако дверь в квартиру я уже запер, а возвращаться и тратить лишнее время мне не хотелось. За несколько часов с голоду не умрёт — заключил я и помчался к лифту, по пути выронив из кармана шапку. Подъезд был застеклённым, и на бегу я увидел, что на улице летает скучное снежное крошево. Я помучил кнопку, но лифт не открылся сразу же, а щелкнул и поехал ко мне с характерным звуком. Плюнув на него, я спустился по лестнице, коль скоро жил на четвёртом этаже.

Я оказался прав, первый снег в этот раз сильно запоздал, и теперь неспешно сыпал улицу. Квартал был спальный, так что вывесок тут было немного. Некоторые из них горели, будто маяки для полуночников. Только без хранителей — в такую рань работал, должно быть, только круглосуточный гастроном. Людей вокруг не было, издали доносился негромкий гул магистрали — жаворонки спешили на работу. Про-

дуктовый действительно был открыт, за прилавком сидела милая продавщица с бронзовыми ногами — скрючившись, она пялилась в телефон. Наверное, смена подходила к концу. Тут я вспомнил, что тороплюсь.

Не совсем, правда, понятно, зачем. На разбор полётов «Странника», да на учреждение новой экспедиции уйдёт по меньшей мере полгода. Пусть она и была уже номинально распланирована. Тем не менее, мне положительно казалось, что если я тем же утром не примчусь к Королёву, то встану в конец длинной очереди из желающих возглавить новую миссию. А я не за этим все последние месяцы таскался за ним по пятам и упрашивал взять меня на карандаш в списке экипажа «Одиссеи-2», если той дадут зелёный свет. Королёв соглашался то безучастно, то с раздражением, когда я сильно доставал его или приходил не вовремя, а иногда вполне дружелюбно. Я делал всё для того, чтобы он точно меня запомнил. «Андрей Ларин. Лучше запишите фамилию. И что, что знаете? Что с того, что преподавали у нас? Пожалуйста. Ларин». И всё-таки у него сейчас забот полон рот. Наверняка забыл.

Манипулятор поднял мою «Стрелу» со стоянки, я запрыгнул в кабину и включил автопилот до ближайшей станции шаттлов. Машина сама выехала по парковочной рельсе на магистраль, набрала скорость в 150 км/ч и помчалась по полупустой трассе. Мой дом быстро исчез позади, а трасса поднялась над дремлющим городом. Я знал, что вид отсюда от-

крывается красивый — на посыпанные первым снегом крыши, мигающее вдали колесо обозрения и тихую рябь Москвы-реки. На неё я насмотрелся ещё на прошлой неделе, а сейчас был чрезвычайно увлечён новостями, так что откинулся в водительском кресле и стал листать ленту.

Утром понедельника, как я успел заметить, редакции дремлют. Только пара каналов ночью следила за прибытием корабля, пока их конкуренты отписались о том, что «Странник» состыковался с Кольцом, и крепко заснули до тех пор, пока не появятся подробности. Пока было ясно, что экспедиция даже не смогла высадиться на Пенелопу, хотя предполагалось, что космонавты соберут грунт — зелени на Пенелопе быть не могло, — поставят флаг, сделают снимки и скан рельефа.

Корабль пробыл вдали от дома без малого полгода, и большую часть этого времени с ним не было связи из-за помех туманности Быка. А вернулся, строго говоря, ни с чем.

Я всё-таки взглянул в окно. Сердце уже не так колотилось, всё устаканилось. Я двигался к цели. Мысли стали играть в догонялки и, когда трасса вновь нырнула в тёмный канал под улицей, я решил, что до следующего отлёта должен найти подружку.

Мне искренне казалось, что профессия моя героическая, а сам я не лишён романтики. И хорошо, когда из очередного путешествия тебя кто-то ждёт. Почему-то я был уверен, что от желающих нести это бремя не будет отбоя. Но в люб-

ви мне не везло, так что я начал подозревать, что смотрю на положение дел однобоко. Романтика — она в космосе, а ожидание на Земле — скучно. Просто с моего холма этого не видно.

У станции я взял парковочный талон, пообещав себе вернуться быстро, чтобы много не набежало. В зале ожидания было человек, может быть, пятнадцать. И все вместе они занимали только треть металлических скамеек с круглыми дырками на спинках. На табло я не посмотрел, а сразу подошёл к кассе. Женщина по ту сторону стекла тут же грубовато объяснила мне, что это было ошибкой. Что ближайший рейс на Кольцо через полчаса, и что я и сам мог бы об этом узнать, если бы поднял глаза на экран. Шаттла у них, видимо, было два и успею я на четверть часа раньше, попал бы на первый рейс.

Делать было нечего, поэтому я присел на свободное место рядом с дородной женщиной, на голове которой я отчётливо различил биопарик. При том совершенно безвкусный — рыжий и кучерявый, хотя по всем признакам ему следовало быть седым. Я стал изучать других пассажиров. Ничего такого, о чём следовало бы упомянуть, в них не было. Женщина-соседка, которая меня как раз не интересовала, однако бросала на меня злобные взгляды, когда я дёргал коленкой. Тогда я прекращал, но это происходило машинально, и я не замечал, когда нога моя снова начинала отстукивать ритм.

Шаттл подошёл, и я снова стал переживать, что кто-ни-

будь опередит меня, но внешне старался виду не подавать. Пассажиры потянулись ко взлётно-посадочной площадке. Когда я подошёл к выходу, прямо передо мной возникла бабушка в джинсах и коротком белом платье поверх них. Бабушек я про себя подразделял на толстых, тонких и скрюченных, и был твёрдо уверен, что с возрастом каждая девушка примкнёт к той или иной категории. Старушка, что влезла в проход передо мной была скрюченной и жутко нерасторопной. Злиться на неё я не мог, даже несмотря на то, что обе мои попытки её обогнать не увенчались успехом. В первый раз мне помешало заграждение, а во второй — она обернулась и посмотрела на меня такими чистосердечными глазами, что мне сразу стало совестно.

Наконец, я забрался на третий уровень, устроился у окна и включил телефон. Уже половина восьмого. Каких-то полтора часа назад я беспокойно дремал в постели. Нас немного затрясло, и шаттл стал отрываться от земли. Из подзабитых динамиков прозвучали правила безопасности — не курить, не распивать спиртное, не бродить бесцельно и тому подобное — и пожелание приятного перелёта.

Было спокойно. Я стал клевать носом и прислонился лбом к холодному иллюминатору. Бывать на Кольце по работе я начал сравнительно недавно, и в рассветный час подниматься в стратосферу мне ещё не приходилось. Я увидел, как полусфера Земли покрывается настоящими блёстками в свете восходящего солнца. Оно поднималось, как голова великана

над планетой, а светящаяся кайма на горизонте напоминала плечи колосса. Космическая чернь плавно перетекала здесь в сиреневый земной рассвет, и этот переход был отсюда прекрасно виден. За горизонт в пекло жёлтого пожара уходила широкая дуга Кольца, на внутреннюю часть которого всегда падала тень.

Когда мы пересекали границу атмосферы, немного потряхивало. Видно, шаттл был стареньким, поскольку в последние пару лет эту проблему, вроде, решили. В новых перевозчиках салон стали отделять от обшивки, помещая в полость десятки управляемых амортизаторов. Получается что-то вроде бочонка, в который набросали пуха и уложили мешок с хрустальной посудой. Если даже такую бочку пустить со склона, чашки не разобьются.

С собой я прихватил рюкзак, в котором со вчерашнего дня остались на треть опустошённая бутылка воды, книга «Три мушкетёра» и карандаш. Какая пропасть лежала между мной и художественной литературой! Но один приятель заверил меня, что я многое теряю, и посоветовал начать с истории Дартаньяна, которую я с трудом грыз уже третью неделю.

На счастье, работал кондиционер, иначе тут бы я и кончил от удушья — народу в шаттл набилось прилично, все спешили на работу на Кольцо. Я развернул томик Дюма и уткнулся в страницы. Была же крепкая дружба в семнадцатом веке! Подъём занимал что-то около получаса, и я собирался дочитать главу. Но мужчина, сидевший слева и выгля-

девший в своей застёгнутой на все пуговицы рубашке человеком приличным, вопреки своему образу совершенно бескультурно косился в мою книгу. Я постоянно отвлекался, ловя его взгляд, и в конце концов, оставил эту идею и снова принялся смотреть в окно и считать звёзды.

На сто сорок шестой или сто пятидесятой мне надоело, к тому же, мы прибывали. Шаттл вошёл в разъём стыковочной платформы, его остановили магнитные блокираторы. Затем механизм провернулся, закрыв паз, и загерметизировал отсек. Здесь, в стыковочных зонах, толщина Кольца минимальная. От открытого космоса меня отделяло не больше пятидесяти метров обшивки и электроники.

Пассажиры засуетились, собираясь, а я решил дождаться, пока толкучка кончится. Перелёты с Земли на Кольцо и обратно за последний десяток лет стали значительно доступнее, особенно если учесть характер таких путешествий. И финансово, и с точки зрения затрачиваемого времени. Но всё ещё оставались слишком муторными для тех, кому день ото дня приходилось подниматься на орбиту по работе. Если от дома до ближайшей станции, нужно, как мне, проехаться, дорога в один конец могла отнимать по полтора-два часа. А за день на перемещения уходило часа три-четыре. Немыслимо в наш век, когда люди живут быстрее, чем когда-либо, стараются экономить время на обедах и искренне переживают о том, что за сотню лет сутки стали короче на две секунды. Многие из тех, кто отказался от перспектив высоких

зарплата в пользу свободного времени, со мной согласятся.

Меня устроиться работать на Кольцо привлекли отнюдь не деньги. Стать космонавтом я хотел с самого детства, когда Кольцо только достроили. Это был период некоторой стагнации космонавтики, как науки, поскольку все усилия учёных, инженеров и проектировщиков сконцентрировались на создании огромной огибающей планету станции. На двадцать лет человечество забросило изучение Вселенной, запыхав общим делом — развернуть прямо на орбите научно-проектное пространство и приблизить тем самым всех исследователей космоса к их страсти территориально.

На Кольце никто не жил. Сутки здесь текли немного иначе из-за того, что станция вращается в 1,23 раза быстрее Земли в противоположном от неё направлении. Так что, о дневных и ночных сменах говорить не приходится. Но достаточно того, что Кольцо никогда не пустует. Всё-таки, искусственная атмосфера станции для длительного пребывания человека не годится, как соевые продукты не способны полностью заменить рацион. Хотя от редких перекусов ничего не будет.

Сюда переехали все лаборатории и институты изучения космоса, тарелки и телескопы, антенны и, разумеется, космодромы. Они — в первую очередь. Запускать звездолёты и спутники с орбиты, где не нужно преодолевать земную гравитацию, намного проще. Это экономит уйму энергии, которую можно пустить на то, чтобы полететь дальше и глубже забраться в пучины Галактики. Короче говоря, мы под-

нялись поближе к звёздам.

Так на Кольцо попал и я. Чудом закончив космическую Академию с отличием — в пору было выгнать меня оттуда за безалаберность ещё на втором курсе, — я попал по распределению в пятнадцатое звено при Косминституте, чем был страшно доволен. Это одна из лучших экспедиционных групп, в которой, кстати, состоит и Лекомцев. Удача в дополнение к тому, что я сразу присоединился к исследователям, миновав службу в сторожевой авиации. Ко всему прочему, руководитель наш, Илья Максимович Королёв, — очень увлечённый человек. Собственно, ему и принадлежала идея обеих «Одиссей», и он потратил немало сил, чтобы протолкнуть её. Есть расхожая байка, что Илья Максимович — потомок конструктора Сергея Королёва, собравшего первую космическую ракету. Но вроде, это только слухи, и сам он говорил, что его родственники до седьмого колена были пекарями. Может, привирает.

К нему-то я и спешил. От станции до Косминститута тоже рукой подать, но я решил проехать единственную остановку в общетрансе. По пути я всё жалел о том, что технология телепортации оказалась отбракована законами физики.

В итоге прибыл я за полчаса до открытия, и мне пришлось ждать Королёва в коридоре. Со мной сидели ещё двое мужчин, на которых я смотрел ревностно. Один из них был в синем авиационном комбинезоне. Минут за семь до начала рабочего дня по лестнице поднялся Илья Максимович. Я ни-

когда не спрашивал его, сколько ему лет, но ни за что не дал бы больше шестидесяти. Максимум — шестьдесят пять. От его лба вверх по голове ползла залысина, которую, как лесной залив зимою, окружала лохматая седина.

Нос его был громоздким, от чего лицо Ильи Максимовича делалось грубым, хотя человеком он на самом деле был доброжелательным и суровым лишь в меру.

Он снял куртку, и я ту же подхватил её, словно верный паж. Сработало, профессор обратил на меня внимание. В первое мгновение он удивился, но тут же, видимо, вспомнил все мои домогательства и принял свою судьбу. Я знал, что достал его, и чувствовал, что моя миссия выполнена. Королёв мотнул головой в сторону двери, приглашая меня войти, и я последовал за ним.

Бывать здесь прежде мне уже приходилось. Над письменным столом красного дерева висела карта неба южного полушария, кресло было кожаным, чёрным. У другой стены стоял массивный шкаф с дверцами, как я догадывался, платяной. В окно глядел телескоп на треноге, а на столе кроме моноблока стояли два глобуса — Земли и, поменьше, — Луны. Комната была обставлена даже немного готически, и почти ничего в ней, за исключением жалюзи и пары офисных стульев при входе, не выдавало рабочего кабинета. Один из этих самых стульев я придвинул к столу, повесил на спинку профессорскую куртку и, дождавшись приглашения, сел.

— Ну что, подсел? — шутливо начал Королёв.

— Никого я не подсиживал, — обиделся я. — Кто же виноват, что они вернулись ни с чем?

— Не скажи! Я попрошу, — с этими словами Королёв достал из ящика какую-то папку, повесил на нос-скалу очки и продолжил, уже сверяясь с бумагами. — очень многое они узнали о планете Пенелопа. О её почти отсутствующей атмосфере, гравитации, траектории, магнитных полях. Куча снимков, по которым мы хоть вот такие же глобусы составить можем, — он постучал пальцем по пластмассовой копии Луны, и та покачнулась, едва не сойдя с орбиты. — Кое-что мы предполагали и раньше, исходя из записей телескопа GATES-3. Но тебе ли не знать, что заниматься спектроскопией и видеть всё своими глазами — это две большие разницы?

— А всё-таки, задачи операции «Одиссея» не выполнены. Мы ничего не узнали о...

— Мы многое узнали о системе Калипсо, — перебил меня профессор. — Поверь мне. Да, сенсации из этого не сделаешь, как если бы мы привезли маврика.

— Маврика?

— Назовёшь его, как хочешь, когда встретишь. Но теоретические знания о системе невероятно важны. Ты этого не понимаешь, Андрюша, потому что мыслишь, как юноша, а не как учёный. Тебе подавай пришельцев, а на другие открытия ты не согласен. Между тем, узнав, например, температуру Пенелопы, зная её удалённость от звезды, мы можем рас-

считать температуру всех остальных планет и прикинуть их климат.

Не приходится Королёв мне начальником, я бы поспорил с ним. Ведь мне казалось, что ради громких открытий мы и исследуем Галактику. Планомерная работа нужна, и я не обесцениваю труд Лекомцева и его команды. Но Пенелопа — остывший камень без атмосферы, подобный нашему спутнику, это было известно заранее. Для чего посылать к ней целую экспедицию, если точно знаешь, что она вернётся с пустыми руками? Я промолчал, потому что имел корыстный интерес и не хотел драконить профессора.

— Теория очень нужна, — продолжал он уже спокойнее. — На ней всё держится. Это кропотливая, иногда утомительная работа. Но именно она потом приносит плоды.

— Я понимаю, — кивнул я, глядя куда-то кроме его глаз.

— Даже замеры капитана Лекомцева, к которым ты так пренебрежительно относишься, ой как помогут нам собрать «Одиссею-2». Иначе бы она полетела вслепую. Ты же за этим ко мне пришёл?

— Так точно.

— Да-а... — протянул Королёв.

Он снял очки, положил их на стол и изучающе посмотрел на меня. Я сразу догадался, что сейчас он скажет что-то такое, что расстроит меня.

— Ты же капитан третьего ранга, Андрей. Куда я тебя отправлю?

— Вот и наберусь опыта, получу повышение. Я же к Плутону летал — вот, как раз следующий шаг.

— Андрюша, ты меня прости, но нет. Я, конечно, твою кандидатуру предложу, но состав команды утверждает комиссия. Туда не только люди из Косминститута входят, и настаивать я перед ними не стану. Это же даже не то, чтобы к Пенелопе лететь, «Одиссея-2»...

— Проходит через все планеты, огибает звезду Калипсо и возвращается, — закончил я за него.

— Да, это очень ответственная задача, и человек нужен с опытом.

— У меня опыт есть, — настаивал я. — Три дальних экспедиции за плечами.

— Песочница у тебя за плечами, Ларин. Нет и ещё раз нет. Андрюша, ты меня извини. Ты знаешь, я тебя очень люблю, но не могу я тебя отправить к Калипсо.

Через две недели он позвонил и сказал, что меня согласовали в состав группы. Правда, не капитаном — возглавит экспедицию этот выскочка Лекомцев, капитан второго ранга. Мне было на это начхать — главное, что я полечу к звёздам! Но это забегая вперёд.

Тогда я об этом ещё не знал, поэтому остаток дня проходил подавленным. Меня не покидала надежда, что Корольёв изменит свой вердикт; этим я сам вверг себя в состояние неопределённости, которое меня угнетало. До вечера я провозился на Кольце, оформляя план тренировок отделе-

ния на следующий месяц и обдумывая своё положение. Ближе к обеду я вспомнил про Ларсика, и позвонил маме, чтобы она покормила беднягу. Она стала расспрашивать про работу, и я отделался простым «пока непонятно». Это было отчасти правдой, но еще и легким способом передать смесь фактов и моих догадок, которыми я завесил, как занавесками, предсказуемый образ грядущего.

По пути домой меня охватило острое желание отправиться в ночной клуб. Мысль эта никогда раньше у меня не возникала, а теперь явилась из ниоткуда и в своей внезапности показалась привлекательной.

В таких местах я ещё не бывал, и любопытство меня влекло. К тому же, день выдался неприятным, и его требовалось чем-то скрасить. Мне казалось, именно для закрашивания пятен на заборе жизни и существуют ночные клубы. Жил я один, и ни от кого не зависел. А вечер выдавался свободным. Словом, поводов я мог найти достаточно, чтобы в случае чего себя оправдать. Не сомневаясь ни капли, я вручную свернул на аварийную рельсу, встал, нашёл в навигаторе ближайший клуб из тех, что хвалили, и проложил маршрут.

В моём представлении для того, чтобы познакомиться с девушкой в ночном клубе, достаточно было просто с хмурым лицом сесть за барную стойку, подождать пару минут, и дама в накидке на голое тело с бобкатом и бокалом мартини в руке с игривой улыбкой материализуется рядом. Но вот я сидел за стойкой уже пятнадцать минут и взаправду почти

выпил загадочную «Пряную гвоздику», которую с самого начала не хотел, а теперь она и вовсе нагрелась и стала противной. А девушки мелькали вокруг, но не замечали меня. Я уже стал жалеть об уплаченных входных, о которых меня, кстати, тоже никто не предупреждал. Охранник осматривал меня с недоверием. Должно быть, из-за погон, которые я не стал снимать. Переодеться мне было не во что. Музыка колотила по ушам, синие лампы выхватывали из полумрака углы мебели, а вместо людей в их свете танцевали чёрные тени, будто в инфернальной киберпанк-зарисовке. После «Гвоздики» домой только на автопилоте.

Оставалось предпринять последнюю попытку: меня интересовала девушка в сером топе с чокером и красным бобкатом, точно как в моей фантазии. Мужчины с ней не говорили, и я решил, что она одна. Девушка казалась мне весёлой плюс слейв-браслет на руке, и я легко сделал вывод о её распушенности, а для сложных манёвров у меня в тот день не осталось сил.

Я попробовал протиснуться через танцпол, но на половине пути, когда я уже потерял из виду свою красноволосую цель, меня за запястье схватила чья-то тонкая рука. Я сразу понял, что эта ладонь принадлежит молодой женщине. Тут же её хозяйка возникла передо мной. Низкая блондинка, худая, как спичка. Но я сразу понял, что энергии в ней больше, чем в ядерном реакторе.

— Офицер мой! — выкрикнула она, стараясь, чтобы я

услышал.

— Нет, я капитан дальних полётов.

— Космонавт? — спросила она и подставила мне своё ухо. В нём были по крайней мере три серьги.

— Ещё какой!

— О, капитан мой, капитан!

Она стала приглашающе двигать плечами, я тоже постарался поймать ритм и с каждым толчком тела танцевал всё свободнее. Отдавшись потоку, я закрывал глаза и видел перед собой лицо этой блондинки — поразительным образом она умела корчить милые и соблазнительные гримасы, надувать губы и совсем непринуждённо орудовать тонкими бровями. Я очнулся, когда она повисла на моём плече. Я склонил голову, и девочка проговорила очень отчётливо.

— Купи мне коктейль.

Так я и сделал.

— Часто здесь бываешь? — спрашивала она, гоняя «Лайлай» по стенкам бокала. Нога на ногу, босым носком она раскручивала барный стул.

— Впервые.

— Я тоже! Знаешь, каждые выходные пробую новое место, новые вайбы. Тут отлично, — блондинка приблизила лицо. — Но громко!

— Из тех, кто живёт одним днём? — проговорил я ей в губы.

— Я из тех, кто не любит повторений.

Улыбка девушки светилась и выдавала, что «Лай-лай» был для неё сегодня не первым коктейлем. Я подумал, что тоже не люблю повторений, и не хочу опять лететь к набившему оскомину Сатурну. Хочу далеко, к новым открытиям!

После того, как она выпила, я пригласил её к себе, но она отказалась, поцеловала меня в щёку и попросила денег на такси. К своему стыду, только тогда я понял, что меня разводит девушка, даже имени которой я не знаю. Я мог бы предложить её подвезти, но, скорее всего, она бы отказала даже в этом случае. Прикинув, сколько я уже потратил валидов и сколько могу спустить на это артистичное личико ещё, я попросил минуту на то, чтобы поймать сеть и вышел на улицу.

Снаружи было мертвецки тихо. Сердце ещё отбивало ритм электро-вейва. Пахло дождём и вечерней свежестью. Высотки вокруг меня тянулись вверх чёрными монолитами. Рядом курили двое мужчин. Невольно я услышал, что они говорят о работе — один из них, похоже, занимался установкой противопожарных систем. Яркая вывеска клуба «Ночь перед...» отражалась в луже. Я посмотрел на небо. Оно было фиолетовое.

Глава II «Звёздные тилацины»

На следующий день первым делом я покормил Ларса, потому что чувствовал себя виноватым. Присев, я следил за тем, как он съел весь предложенный корм, вылизался, чавкая, и стал тереться о мои ноги. Только тогда я посчитал себя прощённым и отправился завтракать сам.

Солнечный свет пробивался через окно и приятным теплом заливал кухню. В морозной дымке на соседних крышах лежал тонкий слой снега, в то время как в низу его уже растопил жар города. Я жевал творог и размышлял о любви и грядущем. Проще говоря, жаловался на жизнь и строил планы на день.

Напомню, это происходило до утверждения меня в состав экспедиции «Одиссея-2», поэтому ничего интересного в перспективе не ожидалось: тренировки курсантов, лекции, документы, поддержание формы. Лёва Лекомцев был моим одноклассником — а уже второй ранг. Хотя между нами по таблице должно быть по меньшей мере три года службы. Тут сыграл успех его полёта к Фобосу. Казалось бы — ближайший космос — этот спутник Марса изучен вдоль и поперёк. А вот команда Лекомцева нашла там подземные залежи льда. Там же Лёва, как мне рассказывали, познакомился с Вегой — и теперь они в связке чуть ли не восходящие звёзды космонавтики. Хотя чего стесняться — руководство Косминститута и

Королёв лично наверняка их таковыми считают.

Это нашему брату приходится без Госпожи Удачи строить свою карьеру.

Мне позвонили. Номер неизвестный, но московский. Не люблю я звонки от незнакомцев принимать, но, чёрт возьми, каждый раз думаю — вдруг по работе. И тут ответил.

— Забери меня, — потребовал женский сопрано.

Я стал судорожно вспоминать, кого и где я оставил. Может, ошиблись? И тут я догадался — это же та самая девушка из клуба, с которой я познакомился прошлым вечером. Неужели я оставил ей свой номер? И точно, оставил! Крепко же я попал.

— Откуда? — спросил я.

Она назвала адрес, это было в Лефортово.

— Я здесь живу, так что, не переживай. Ехать нужно к «Косатке», в Китай-город.

Я помолчал, и она повесила трубку.

Поворошив память, я так и не припомнил, когда успел наняться шофёром. Но я не злился на неё — напротив, мой вчерашний променада оборачивался всё более и более интересным приключением. Могло, впрочем, оказаться, что меня продолжают разводить. Однако любопытство брало верх. Я был уверен, что если увижу на своей шее затягивающийся аркан, успею дать ловцу по носу. Ко всему прочему, у меня в тот день был отгул, а выходной посреди недели — самое удачное время, чтобы впутаться в авантюру.

Через двадцать минут или что-то вроде того я припарковал «Стрелу» у кафе «Луизиана» на проспекте Саввы. Её я заметил сразу, а вот она меня — сперва найти не могла. Я воспользовался этим, чтобы полюбоваться. При свете дня она выглядела ещё лучше, чем накануне. Ноги её были не слишком длинными, но она умело скрывала это низкой в клетку юбкой. Сверху она набросила короткую в меру строгую куртку, и я гадал, как она не дрожит от холода. Волосы до плеч, которые сперва казались мне блондинистыми, на поверку оказались глубоко золотистыми. Они тонули в меховом воротнике.

Я посигналил, девушка заметила меня и шмыгнула в машину.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — ответила она.

Я тронул и повёл «Стрелу» на трассу. Мельком поглядывая на свою пассажирку, я заметил, как порозовели на морозе её щёки. В салоне она потихоньку оттаивала, но по-прежнему разглядывала улицу, не желая со мной заговорить. Я мог бы включить автопилот, но делать этого не стал. Не хотелось, чтобы она посчитала меня одним из тех желторотиков, которые всюду разъезжают, как на такси. Пусть знает, что я умею водить машину.

— Как тебя зовут, кстати? — поинтересовался я.

— Аня, — улыбнулась она. — Аня Гедз.

Я сразу забыл, что собирался припомнить ей нахальный

ЗВОНОК.

— А я Андрей.

— Приятно познакомиться, Андрей. Сколько тебе лет?

— Двадцать два, — признался я.

Спрашивать у неё, сколько ей, я не стал, хотя мне было жутко интересно. На глаз я очень скверно определяю возраст, и всё же решил, что ей девятнадцать. Плюс-минус. Утренний мороз наследил инеем на кромке стёкол, заставляя поёжиться. Мы вошли в долгий поворот, со стороны Ани открылся вид на обе заснеженные башни Останкино.

— А ты правда космонавт? — спросила она, мечтательно глядя в окно.

Я протянул руку назад, нащупал неотглаженную форму и потряс ею у Ани на виду.

— И в космосе бывал? — девушка снова пустила в бой свою ловкую мимику.

— Летал к Плутону, на Энцелад и к Кольцам Сатурна.

— Должно быть, там очень красиво. В детстве я тоже мечтала полететь в космос. Да и сейчас хочу, но этого никогда не случится.

— Это почему?

— Потому что я бы ни за что на свете не осилила Академию Косминститута. Вы же учились пять лет шесть дней в неделю, да? Пять лет постоянных тренировок, лекций и снова тренировок. И экзаменов! Кошмар! — девушка аж вздрогнула. — Я бы потеряла интерес и всё забросила. А ты,

выходит, очень терпеливый.

— О-хо! — рассмеялся я. — Вот уж какого комплимента я никогда не слышал, особенно от моего начальства. Мне всегда говорили, что я слишком тороплюсь.

— Куда?

— Всюду, во всём. И в космос тоже.

— А я тебе говорю, что ты терпеливый, — настаивала Аня.

— Не-а, просто у меня есть мечта заветная. Такая, ради которой даже лекции в Академии высидел.

Дорога вывела нас на монорельс и повела над рекой. Пики и стены Кремля напоминали пряничный домик, политый сахарным кремом, так что мне захотелось откусить верхушку Спасской башни. Река покрылась по краям коркой льда, но подальше от берегов било течение. Шли прогулочный речные трамваи, работала канатка для отдыхающих. На Красной площади даже отсюда под снегом просвечивала брусчатка, искрился разными цветами ГУМ-каток.

— А про «Странника» слышал?

Я вкратце пересказал Ане вчерашний день. Про известие о прибытии экспедиции, про разговор с Королёвым. Потом про то, как я неделями просил взять меня на вторую «Одиссею» и про то, как мне отказали из-за нехватки одной звезды на погонах. Не следовало мне, конечно, откровенничать о таких вещах с едва знакомой девчонкой. Так легко рассуждать

тем, кто не бывал на моём месте. Или бывал, но забыл, как незаметно и быстро сближаются две личности разных гендеров в замкнутом пространстве.

— Всего-то? — Аня достала из сумки паd, разложила его на коленях и стала что-то печатать и перелистывать. — Как твоя фамилия?

— Ларин.

Аня что-то делала, я не привык заглядывать в чужой экран. Тут я сообразил, что она задумала.

— Ты что же, работаешь в «Косатке»?

— Ага, — засияла Аня. — Ректор, Николай Гедз — мой папа. А я пока стажирюсь, но с привилегиями. Готово! Хочешь сейчас же стать капитаном второго ранга? Да хоть первого.

— Нет-нет, нет, — запротестовал я так яро, что даже бросил руль. — Не вздумай! Не надо. Это нечестно. Ребята для этих звёздочек жизнью рискуют, и кем я буду, если звание по знакомству получу? Как потом перед собой оправдываться? А если вскроется, я вообще помашу карьере ручкой. Ни к чему это. Сам, сам. Сам дослужусь.

— Да ничего тебе не будет! Космонатов сотни, если не тысячи уже, и вот тебе инсайд: никто ваши личные дела без надобности не проверяет. Скажем, ты наблюдал в телескоп за ночным небом и чисто случайно заметил ещё один спутник у Венеры. А если у твоего Королёва возникнут вопросы, пускай позвонит в «Косатку», а там уж я возьму трубку и всё

подтвержу. Это же так просто! И живёшь ты только один раз.

— Да кто мне за такое звезду даст? Ладно бы я за ночь на Луну слетал, а у меня и телескопа нет.

— Так ты не только терпеливый, но ещё и душила жуткий! — ахнула Аня и поспешила опустить окно.

Аня Гедз оказалась напористой и очень настойчивой в своих уговорах, но я наотрез отказался жульничать. Я не строю из себя моралиста, и мысль разряда «а что, если?» у меня проскакивала. Однако тут же за ногу меня кусала совесть. Сам себя уважать перестану, если звезду второго ранга мне самовольно выпишет студентка, попавшая на Космическую аттестационную кафедру благодаря папе. Да и не знает она, насколько «Косатка» серьёзное место. Там таких махинаторов щёлкают, как орешки. И нас обоих быстро спишут на берег.

— А ты, между прочим, можешь запросто в космос полететь. Сдай экзамен на лицензию, арендую звёздный катер, и сможешь даже до Марса летать, — предложил я, паркуясь.

— А что там смотреть? Всё интересное дальше.

Мы остановились у старого здания «Косатки» с колоннами, разделявшими монументы Гагарину, Леонову и Королёву (Сергею, не Илье). Теперь оно перестало быть для меня мистическим храмом, за дверями которого жрецы проводили свои загадочные ритуалы, решая, кто достоин полета к звёздам, а кто — нет. Внутрь этого без преувеличения дворца Аня позволила мне подглядеть.

Я сказал Ане, что сохранил её контакт и непременно позвоню. Она только посмеялась, поцеловала меня в шершавую щёку и вышла из машины. Я проводил её взглядом до тех самых циклопических дверей, которые, по моему ощущению, чуть приоткрылись.

Вопросов, кажется, стало только больше. Кто мы? Почему я согласился её отвезти? Самым глупым было то, что ей-то, Ане, ответы были известны. Что же до меня — уж точно я не пожалел об этой поездке.

Мы с Аней не спали. Между нами очень скоро сложились романтические отношения, заметно тяготевшие к дружбе. И напрочь лишённые интимной близости. Близость у нас случалась исключительно публичная — мы ходили на свидания, не боясь называть всё своими именами.

Аня очень часто повторяла одну фразу: «Живи сегодня!». И каждое «сегодня» было не похоже на «вчера». Мы пробовали роллы с мясом белой акулы, побывали в трёх разных клубах за ночь — в одном из них использовали технологию искусственной гравитации, и половина зала танцевала у нас над головами! Я бы ни за что не отважился сам забраться на крышу тридцатипятиэтажки, в которой жила Аня, и целоваться там под дикий свист ветра, если бы она не потащила меня туда. Я уверен, что меня бы сдуло, как листик, но охранник прогнал нас прежде. Ещё Аня познакомила меня с ребятами, которые устраивали гонки на рейлках за городом, и одной ночью я нарезал с ними три круга. Проиграл всухую, зато

Аня смеялась на пассажирском сиденье, как маленькая, и я вместе с ней. А самым прекрасным было то, что на следующее утро мы навсегда забыли об этих гонщиках. Да вся моя жизнь не была такой насыщенной, как эти две недели!

Всё происходило так легко и непринуждённо, словно это в последний раз. «Живи сегодня!» — повторяла она, но что стало со всеми теми, кто остался во «вчера»? И как скоро там окажусь я? Я никогда не бывал у неё дома, хотя мог вообразить по её рассказам стильную лоу-тек квартиру напротив Екатерининского дворца с большой аркой в форме круга, светящейся изнутри и отделявшей столовую от гостиной. Мне легко рисовались другие мужчины, которые видели эту арку вживую и даже добирались до спальни. Я бы не удивился, узнав, что у Ани есть ещё один-два любовника. И поэтому сохранял минимальную дистанцию, чтобы не остаться с разбитым сердцем. А вот что заставляло её отвечать взаимностью, трудно было сказать.

Радостная весть настигла меня прямо в спортзале, когда я занимался подготовкой будущих космонавтов и нынешних курсантов Косминститута. Вести тренировки на центрифуге или в виртуальной реальности мне пока не доверяли, а я и не рвался. Никогда не горел желанием стать преподавателем или тренером, и работа здесь была скорее жертвой, на которую я шёл ради экспедиций. Не то, чтобы я её ненавидел, просто это была рутина. А рутина меня всегда угнетала.

Однако это не парк развлечений, и никто меня, как ребёнка, не усадит на карусель в виде космической ракеты просто так. Королёв постоянно уличал меня в отсутствии терпения. «Ты хочешь всего, сразу и бесплатно, — говорил он. — А так не бывает. Одним трудом достаётся что-то и не скоро, другим — всё и сразу за определённую плату». Денег на космический туризм у меня не было, как и желания кружить по орбите Сатурна с седовласыми миллионерами и обсуждать аритмию их пересаженных сердец, перебивая аудиогид.

Когда же я принимал на себя роль наставника, я старался усмирить свой пыл, беря пример с тех, кто в своё время муштровал меня.

Ребята — как на подбор крепкие и высокие парни, гладко выбритые — только закончили разминочный бег, который я усложнил захлёстом голени и приставным шагом. Курсанты шагали по периметру зала, восстанавливая дыхание. Некоторые из них покрылись испариной, а у кого-то мокрые волосы липли ко лбу. Но никто не запыхался — это значило, что парни не сачковали и дышали правильно. Со стороны может показаться, что вся эта физподготовка нужна только для поддержания дисциплины. На самом деле, программу составляли специально для кандидатов в астронавты с учётом необходимых навыков. Даже простое правило «два вдоха — выдох» может спасти жизнь при нехватке кислорода на борту.

— Мальцев! — позвал я юношу.

Денис Мальцев, русский парень с задиристым лицом, по

обеим сторонам которого, будто два лопуха, торчали уши, повернулся ко мне.

— Ну что это, Мальцев? — спросил я, указав на его синюю футболку переднюю часть которой он красноречиво заправил в шорты.

Мальцев улыбнулся крепкими зубами, но взгляд отвёл в пол. Ребята, что были рядом с ним, захихикали и стали тихо перешучиваться. Я велел им замолчать и перестроил в шеренгу.

— А мне так удобно, Андрей Андреич, сказал Мальцев уже из строя. Снова пошли смешки.

— А мне нет, я тебя стесняюсь. Выправь майку, — посерьёзней я.

Юноша послушался. Непривычно мне сперва было командовать людьми, которых я старше-то был всего лет на пять. Да приноровился, в общем. Тем более, физкультура не требовала особой строгости, и это было одной из причин, по которым я не лез в более сложные занятия. Я и сам люблю посмеяться, и курсанты об этом знали. Но во-первых, потехе час. А во-вторых, в нагаре моего природного легкомыслия преподаватели Косминститута таки выдраили одно большое пятно, приучив меня следить за своим внешним видом. Поступая сюда в семнадцать лет, я был непримирим в своём желании ходить чёрт знает, как, затевать споры и всячески привлекать к себе внимание. Нужно сказать, с большей частью своих намерений я справился. Но к концу обучения стал за-

мечать, что беспокоюсь о том, как выгляжу. Подтянут ли ремень, заправлены ли шнурки, ровно ли повёрнута кокарда. Меня убедили в том, что по моему виду судят обо всём Косминституте. И мне вдруг стал приятен образ благородного офицера, берегущего с молодости не только свою честь, но и имя целой космонавтики. Кажется, таким же образом школьников призывают получать хорошие оценки, чтобы не посрамить класс.

Зазвонил телефон. Велев ребятам разминаться, я отошёл в сторону. Королёв рассказал, что меня берут в полёт к Калипсо. Он интонировал так, словно это было большой неожиданностью, хотя оба мы знали, что этим всё кончится. Вернее, я — подозревал, рассуждая, что крепче меня Илья Максимович доверяет, пожалуй, только Лёве Лекомцеву. Я, конечно, обрадовался.

Королёв предложил мне зайти к нему после работы, чтобы за чаем он пересказал мне положения первого брифинга. Но я не упустил возможности сбежать от своих ежедневных обязанностей, раз уж устав это позволял. К тому же хотелось сразу встретить команду и не отставать от коллектива.

Я забежал в учительскую, спешно объяснил своему коллеге, Диме Яковлеву, что тороплюсь к Королёву, и попросил его довести занятие. Дима был человеком добрым, но в тот момент он пытался выловить ломтик лимона из кружки с чаем пальцами. У него это всё не выходило, поэтому он обжигался и сердился. К тому же, в кабинете было душно

из-за забившейся вентиляции, так что нетрудно представить себе расположение духа, в котором пребывал Дима Яковлев. Спорта он не любил, но был вынужден, как и я, им заниматься. Дима не то, чтобы был в плохой форме — он был бесформенным. И, насколько я знал, поэтому до сих пор в космос не летал. Отказаться он не мог, хотя согласился без удовольствия. И пока он вылезал из своего стула, я уже слинял из учительской.

На этот раз кроме меня у Королёва, нагло расположившись на месте, которое я считал своим, сидел Лекомцев. Это был короткостриженный мой ровесник с покатым затылком и прямым носом. Он весело приветствовал меня, но я ответил сдержанно. Рядом с ним, как всегда, была Вега. Вера Галицына. Прижилось ей это прозвище. Молодая ещё, по виду едва ли не школьница. Общаться с нею прежде мне не приходилось, но я знал, что она всюду хвостом вертелась за Лёвой Лекомцевым. Похоже, так она старалась пробить себе дорогу к звёздам, а заодно и урвать видного красавца. Я не осуждал её: в Косминститут каждый год прибывает прорва курсантов, но многим из них, как Яковлеву, предстоит ещё много лет провести на станции, так и не покорив Вселенную. Чтобы заявить о себе, приходится крутиться.

Я устроился напротив Лёвы и позволил себе насладиться компанией избранных.

— Ещё одного ждём, — пояснил Лекомцев.

Я кивнул.

Жалюзи не шевелились — форточек здесь не открывали, иначе бы все задохнулись. За пределами зданий и метро на Кольце воздуха не было, а все помещения связывались с ЦЕВ — Центральной системой вентиляции. Работали там самые ответственные люди в мире — по крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Андрей, — я протянул через стол руку Веге.

— Приятно познакомиться, — ответила она и пожала мне руку.

Лекомцев переводил взгляд с неё на меня.

— Как тебя лучше называть, — спросил я. — Верой или Вегой?

— А как тебе больше нравится?

Глаза у неё были каштановые, такие, что сливались со зрачками, а волосы — и того темнее, собранные в пучок. Это было заветренное лицо очень жизнерадостной девушки, нёсшей, как мне показалось, отпечаток глубокой личной печали. Я встречал таких прежде и они, как правило, имели множество друзей, но страдали от необретённой любви. Поскольку все парни смотрели на них, как на своячек. Не знаю, насколько это относилось к Веге. Может, её тайная тоска была иного рода. Но эти самые карие глаза выдавали её наличие.

Ответить я не успел. В кабинет вошёл высокий худощавый мужчина в кожаной куртке, с чёрными, будто смазанными гуталином, усами. Он напоминал старого поэта Булата

Окуджаву, только в сапогах на очень высокой подошве. За-
лихвацким голосом он отчеканил «Здравствуйте» и рухнул в
кресло рядом со мной. Меня чуть не сшибло запахом спир-
тового одеколона. Каков был мой ужас, когда я догадался,
что незнакомец, годившийся мне в отцы, — это четвёртый
член экипажа. Тот, похоже, решил, что его персона известна
всем, и не стал представляться.

— Я вас поздравляю, товарищи, — повёл разговор Коро-
лёв. — Вы все большие молодцы, поскольку оказались здесь.
Сейчас я вам в общих чертах обрисую, в чём заключается
суть экспедиции «Одиссея-2», а подробности будут позже.
Запомните всё хорошенько, потому что — Лёва и Вега об
этом знают — за туманностью Быка связи с Землёй у вас не
будет. Все знакомы между собой?

Мы втроём переглянулись, неуверенно помотали голова-
ми и повернулись к усатому.

— Давид, — представился он.

Не понравился мне этот Давид. Я с детства недолюбливал
незнакомцев, поэтому папины друзья, навевывавшиеся по-
рой в гости, оставались без моего внимания. Лекомцев, пус-
кай и выскочка, но я с ним четыре года уже бок о бок учусь,
работаю. Парень он неплохой, и на него я положиться готов.
Мне подумалось, что Давид такого доверия с моей стороны
не заслужит никогда.

Мы тоже представились, причём Вега назвалась Верой.
Что же мне в нём не понравилось? Усы! Откуда у космонавта

взяться усам? Все сотрудники Косминститута обязаны были бриться, а этот тип — мало того, что одет не по форме, так ещё и рощу себе под носом отрастил.

— К вам так и обращаться? — спросил я, рассчитывая, что он назовёт своё звание. Но я был уже почти уверен, что звания у него никакого не было.

— Так и обращаться, — сфамильярничал Давид.

Куда же смотрел Королёв, когда собирал команду, подумал я и вспомнил, что экипаж согласовывал не он, а целый совет шишек, которые, наверное, и пропихнули на борт своего приятеля. Мне захотелось вывести Давида на чистую воду, и скоро такая возможность представилась.

Илья Максимович рассказал нам, что для экспедиции подготовили двойник «Странника» и назвали его «Пилигрим». Когда мы покинем пределы солнечной системы, он перейдёт на варп-скорость, и через четыре недели мы будем на краю Калипсо.

— А почему не прыгнуть в варп сразу? — спросил Давид.

Королёв выглядел уставшим, даже очки его подползли к краю носа. Он очень много работал над планом полёта в последние пару недель. А его подход всегда оказывался лучшим. Я решил помочь ему и заодно пристыдить Давида.

— Потому что сперва нужно выйти из-под силы притяжения Солнца. Это же основы физики! — возмутился я.

— Не все из нас выпускники Косминститута, — спокойно заметил Давид.

— Как это? — озвучил мои мысли Лекомцев. — Разве в космос не должны летать космонавты?

Мне тоже так казалось. Но похоже, что мои взгляды устарились, и теперь в межзвёздные путешествия берут туристов.

— Давид Иванович — астробиолог, — пояснил Королёв.

— Я уже двадцать пять лет изучаю поведение живых организмов за пределами Земли и строю гипотезы о том, как могли бы выглядеть пришельцы, — сказал Давид. — А вот с физикой не настолько близко знаком.

Я поник. Повёл себя резко, каюсь. С другой стороны, было бы здорово, если бы астробиологи поохотнее представлялись. Мысль о том, что с нами на борту будет человек, не умеющий даже рассчитать параллакс меня не радовала.

— Мы что, будем искать инопланетян? — спросила Вега.

— Мы, — Королёв сделал акцент на этом «мы». — Будем исследовать чужую систему. И кто знает, что мы там найдём. К тому же, никто лучше Давида Ивановича не окажет вам первую помощь в невесомости.

— Илья, ну чего ты распинаешься? — вступился Давид. — Ребята пока меня мало знают.

— А вы о себе не очень-то много рассказываете, — заметил я.

— Знаете, что, — сказал Давид всем, но обращаясь, почему-то, ко мне. — Вы же после этого всего, — он махнул рукой в сторону платяного шкафа. — Свободны? Приходите после обеда ко мне. Я вас буду угощать чаем и покажу на-

стоящего пришельца.

Совру, если скажу, что Давид меня не заинтриговал, но я сразу распознал подвох в его словах. Покажет фотографию угодившей в костёр утки, да назовёт Кыштымским Карликом. Вот и весь пришелец. Однако Королёв, который, похоже, с Давидом дружил, был настроен не так скептически.

— Ох и любишь же ты в свой Космозоо курсантов водить, — сказал он.

— А мы уже не курсанты, — заметил Лекомцев. — На плечах пара-тройка звёздочек имеется.

— Зато пылу, как у первокурсников, — улыбнулся Королёв.

Напряжение спало, и Илья Максимович рассказал нам, что «Пилигриму» предстоит пройти через все планеты системы Калипсо и дистанционно — то есть, с орбиты — их исследовать и составить краткие описания: климат, рельеф, состав атмосферы и наличие или отсутствие органики, рассчитать траектории движения, температуру и удалённость друг от друга. Короче, составить вдобавок точную карту системы на основе схемы. Спускаться на поверхность Королёв запретил категорически. Для такой затяжной экспедиции топлива потребуется и без того очень много. И такие расточительные манёвры, как посадка и взлёт непозволительно энергозатратны. И могут стоить нам пути домой. К тому же, если не дай Бог, какая-нибудь поломка, — спасти нас будет некому.

— А поскольку связи с вами не будет, вы даже не сможете

передать в Косминститут полученные сведения, — подвёл итог Королёв. — И ваша гибель будет напрасной.

Вега открыла рот, чтобы задать вопрос, но Королёв оставил её жест без внимания.

— Затем «Пилигрим» обернётся вокруг звезды и без витков вернётся назад тем же путём. Есть у вас вопросы?

— А как мы пройдем все четыре планеты по одной траектории, если они могут быть по разные стороны от звезды? — спросила Вега.

— Это правильный вопрос, — обрадовался Королёв. — И плохо, что никто больше его не задал. Через полгода в Калипсо должен случиться парад планет со стороны, близкой к нам. Я говорю «должен», потому что так прогнозируют наши учёные, но почти наверняка так и случится. Так что, с небольшой погрешностью, у вас будет около пятидесяти двух суток, чтобы пройти систему до ядра, пока планеты будут более-менее близки друг к другу.

Я кивнул, Давид тоже. Задача была ясна, а о подробностях сейчас, на первом брифинге, говорить было рано. Лекомцев поёрзал на стуле — ему, как и мне, не терпелось рассказать о назначении в «Одиссею-2» родителям и друзьям. Хотя для его-то приятелей это вряд ли станет новостью. Но Вега была неутомима.

— А Пенелопу мы тоже навестим? Мы ведь уже описали её в прошлый раз.

— Тогда с вами не было астробиолога, — парировал Ко-

ролёв.

— Но ведь и органики на планете не было.

— Это не отменяет того факта, что нам нужны образцы грунта и газа, геодезия. Если уж вы заберётесь в такую даль, обязательно нужно ещё раз обследовать Пенелопу. Запустить беспилотник, взять пробы.

Их диалог напоминал настоящую дуэль фехтовальщиков. Юная и любопытная Вега заваливала профессора вопросами, а тот всё отбивался, ловко отражая её замечания и находя нерушимые аргументы. Ему хотелось отделаться от неё, потому что в этом кабинете самым словоохотливым всегда был и должен был оставаться Илья Максимович. Титул главного говоруна он не собирался отдавать. Наконец, Вега сдалась, когда Королёв весьма доходчиво объяснил ей, что спускаться на поверхность запрещено даже в том случае, если там обнаружится инопланетный мегаполис. И пообещал отдельно прописать это правило в инструкции и отпечатать на лбу девушки — для ясности.

— И ещё, — сказал он. — Там в районе Луны сейчас какие-то странности. Пилоты жалуются на головную боль. Из вас никто там не бывал в последнее время?

— Я неделю назад отвозил курсантов на сборы, — отозвался Лекомцев.

— И как?

— Не жаловался, у меня ничего не болело.

— Ну ты здоровый бык. Ладно, — сказал Королёв.

Освободившись от профессора, я сразу припомнил Давиду его обещание. И он безотлагательно повёл нас к себе. Оказалось, что его вызвали специально из петербургского Научно-исследовательского института генетики и биологии, НИИГБ, и временно выделили помещение. Его лаборатория оказалась этажом выше. Это была маленькая комнатка — почти каморка — с кучей стеллажей, на которых покоились пробирки, всяческие папки, предметные стёкла и фотографии мелких созданий, вроде лягушек, и насекомых. Стену над столиком украшала доска с высушенными бабочками — в центре была особенно красивая, с большими жёлто-розовыми крыльями. Окно скрывали две горки коробок. Короче, места было мало, и мы вчетвером едва помещались в кабинете Давида. Добрую четверть свободного пространства занимал полный скелет какого-то зверя, похожего на крупную собаку, который я сначала и не приметил; он стоял на полу, в углу, а от подставки за шкаф шли два проводка.

— Это и есть тот самый пришелец? — поинтересовалась Вега, указав на кости.

— Это? — Давид нажал переключатель, и из подставки в брюхо скелета ударил свет. Я различил микроцарапины и трещинки на костях — они были подлинными. — Нет, это наш, если позволите, *земляк*. Сумчатый волк. У него очень трагическая судьба.

— Кажется, они вымерли, — сказал я.

— Так точно, Андрей. И не без помощи человека. Тил-

ацины обитали в Австралии и на Тасмании до начала двадцатого века. Им не повезло оказаться хищниками — волки таскали овец у фермеров, и те щедро платили за их отлов.

Давид поднял ладонь, словно собирался погладить скелет, но затем опомнился и отнял её.

— Последнего из этих волков угробили в зоопарке. Заперли по глупости в клетке — он и издох на жаре.

— Какой кошмар! — возмутилась Вега.

— Кошмар, — подтвердил Давид, вставая. — Их даже на киноплёнку успели снять. Есть много фотографий сумчатых волков. Должно быть, поэтому я их так по-особенному жалею, что видел эти снимки. Такая полосатая спинка у них была.... Когда видишь животное, сильнее чувствуешь утрату. Как невыносимо было бы жить, если бы так же мы тосковали по бесчисленным ящерам, которых лишилась Земля.

Было в его словах что-то печально-философское. Мне подумалось, что тем сильнее нас беспокоит смерть, чем она ближе к нам, в том числе и исторически. То же касается вымирания. Но Давид улыбнулся и принялся искать что-то на верхней полке стеллажа.

— Вы же хотели показать нам инопланетянина, — напомнил Лекомцев.

— Его я и достаю.

Тут до меня дошло: то, что я сперва принял за папки, было на самом деле пластинками с подписями на корешках. Давид вытащил одну из них, обозначенную только цифрами, и по-

ложил перед нами на стол. По виду это был обыкновенный скол камня, почти гладкий. В центре только был нарост, напоминающий своей формой пилюлю.

— Это окаменелость? — спросил Лекомцев.

— Точно! — весело ответил Давид.

— И она не с Земли?

Астробиолог хитро помотал головой.

— С астероида Сатурна.

— Как же вы нашли такую кроху на астероиде? Их же у Сатурна сотни тысяч! — воскликнула Вега.

— Совпадение, только и всего, — спокойно заявил Давид.

— Я тогда работал у Сатурна, станция у нас была на Энцеладе. И один камушек чуть не врезался в наш рудодобытчик. Мы подняли его в грузовой отсек, так, для развлечения. И нашли вот это чудо.

— С чего же вы взяли, что это когда-то было живым организмом? — спросил я. — Это ведь может быть что угодно, простой нарост.

— А ты присмотрись, даже невооружённым глазом. Видишь жгутики?

Я наклонил лицо, и действительно — разобрал две тончайших спиральки, отходивших от пилюли. Это существо, чем бы оно ни было, походило на бактерию, какой её изображают в школьных учебниках, только больше — размером с ноготь.

— А название у него есть?

— Нет. Есть идеи?

— Маврик, — не задумываясь ляпнул я.

Из окна сквозь коробки пробивался свет, но лампы тоже горели в кабинете.

— Это лучшие пришельцы, которых нам пока может подарить наука, — с горечью констатировал я.

— Какие же вы всё-таки дети ещё, — наигранно проговорил Давид. — Этот маврик проделал немыслимый путь миллионы и миллиарды лет назад из бог знает какой, быть может, сгинувшей давно галактики. Он может оказаться ключом к разгадке Парадокса Ферми, парадокса Великого Молчания! А вам всё недостаточно интересно. Зелёных человечков подавай.

— Нет, но...

— Вселенная так велика, что вы себе её размеров представить никогда не сможете. Как, допустим, не можете вообразить температуру Солнца. Потому что по нашим меркам она запредельно велика.

— Это я знаю...

— Не перебивай. Вот. Мы же, человечество, пока только-только вылезли из своей берлоги и удивлённо озираемся по сторонам. Быть может, на своей родине маврики уже превратились в прекрасных элоев и даже успели исчезнуть. Я оптимист, и верю в то, что Вселенная полна жизни, только мы ошиваемся в глухом её углу. Но шаг за шагом приближаемся к тайне внеземных цивилизаций. Эти шаги по отдель-

ности, может, и не производят на вас такого впечатления, какого вы жаждете. Но потом вы оглянётесь и увидите, в какой огромный путь они выстроились. Прямо сейчас над нами наверняка бушует межгалактическая война. Однако если на Землю рухнут обломки какого-нибудь звёздного меча, с нашими нынешними знаниями мы их не опознаем и даже отмахнёмся от них, как от космического мусора. Максимальлисты расстроятся, что им на голову не упал инопланетный дредноут. А настоящие исследователи, какими должны стать вы, оценят находку и приблизят нас к тому...

— Чтобы в эту войну вступить, — не сдержался я.

— Надеюсь, что нет. Уберегут, — закончил Давид с улыбкой и выдохнул.

Нет, всё это лирика. Настоящие исследования ведут не в лаборатории, и они приносят великие результаты. Далеко-далеко, в поясе астероидов или даже выше. Может, Давиду с Королёвым сложно это понять в силу возраста, они больше склонны к теории, черчению и прочим безусловно полезным и нужным, но не решающим делам. Локомотивом прогресса всегда будут акционеры, только они и входят в историю.

Я не возлагаю ложных надежд на своё поколение, мы: я, Лёва, Вега — молоды и полны амбиций, готовы переворачивать представления о космосе и толкать науку вперёд. Только это до поры. Через пятьдесят лет, выгоревших нас смолет новое поколение, напитает свежей кровью Косминститут.

Так и должно быть, клетки должны обновляться, чтобы организм жил и рос.

А чего стоят все эти фантазии Давида о межгалактических битвах, если мы в них не участвуем? Если не ведём корабли землян в авангарде штурмовой флотилии? Если этой битвы на самом деле даже никогда не было? Разве можно в таком случае ждать и рассматривать в микроскоп бактерии? Каждый день, что мы прозябаем на опушке галактики — это потерянное время, в которое без нас происходят величайшие события.

Отпустили нас раньше, чем обычно, хотя на Земле уже, наверное, смеркалось. Я же наблюдал за тонущем Солнцем в иллюминатор общетранса. Спустившись, я первым делом позвонил родителям и обрадовал их. Мать, разумеется, взволновалась, как кошка, и мои слова о том, что мне не впервой летать в космос, ничуть не разубедили её в том, что со мной непременно что-нибудь случится. Следом я рассказал об успехе Ане.

— Я так рада! — загорелась она.

Вдруг я подумал, а почему мы с ней, собственно, не спим вместе? Мои догадки о её возможных любовниках показались мне теперь до смешного ханжескими. Мы оба молоды и ничем друг другу не обязаны. Так к чему эти ограничения? Скоро мне нужно будет улетать, а я так и не нашёл того, кто будет меня ждать из моей Одиссеи. Аня наверняка не станет

моей Пенелопой, но кто я такой, чтобы отказаться слушать сладкую песню сирены под плеск волн в час прилива?

— Пригласи меня в гости, — сказал я.

Аня пригласила.

Круглая арка в её квартире была действительно дивной. Она жила с родителями, но, на счастье, те уже третий день были в отъезде. Мы поцеловались, как прежде. Аня спросила меня, почему мы никогда не занимались любовью. Я пожал плечами.

— Должно быть, потому что ты никогда не приглашала меня.

— Ведь это ты живёшь один.

Тогда я рассказал ей о своём опасении. Она рассмеялась, выключила свет и, хихикая, упала на меня, как обломок звёздного меча на голову зеваки.

Она была глубокой и тёплой, как течение. Я наслаждался ею каждое мгновение, но как занесённый меч надо мной реяло опасение, что завтра поток сменит направление, и моя бригантина останется одна посреди безбрежного океана. Может быть, именно это ощущение беззаботности и безответственности и влекло меня к Ане? Оно было единственным правилом: «Живи сегодня!». Но я так желал, чтобы «сегодня» не заканчивалось никогда.

Спустя час или вроде того мы лежали в постели, обнявшись. Аня была горячей, как грелка, а в комнату через открытую форточку просачивался мороз. Нас от него защища-

ло тёплое одеяло.

— И всё же, — спросил я. — Есть ещё кто-то?

— Тебе честно сказать?

— Как хочешь.

— Нет, — серьёзно сказала Аня.

Я ей поверил. Было темно, я смотрел в звёздное небо и растворялся в мысли о том, что пока я вот так лежу в ани-ной квартире, где-то там сражаются флотилии звёздных ко-раблей. И в этом неравном бою сумчатые тилацины терпят страшное поражение.

ГЛАВА III: «Скачки»

Вокруг было пугающе темно. Какое-то вещество в воде делало её непроглядно синей, какая бывает в самой глубине океана. Даже собственные руки превратились в два размытых силуэта — нечего и говорить о том, чтобы увидеть спасательную капсулу. Только секундомер горел ярким огоньком на запястье, время поджимало. Десять секунд, — десять секунд мне понадобится, чтобы залатать дыру в капсуле. Ещё столько же, чтобы снять со спины и включить БУАГ — блок-устройство аварийной герметизации. А в запасе всего полминуты, и если я не уложусь, — конец всему.

Плечи ныли, я погружался, пока, к великой своей радости, не нащупал ногами твёрдый угол. Проведя ступнёй по его грани, — это был скос, — я понял, что нашёл капсулу, внизу и вправду рисовались его очертания. Не теряя времени, я с ловкостью самурая запустил руку за спину, но не нащупал инструмента. Будь он проклят! Чтоб тебя... Да я тебя засуну... Да не может его там не быть! Корчась в воде, я ругал БУАГ зря, и потерял на этом столько драгоценных секунд, что даже взглянуть на часы побоялся, хотя во всём существовавшем теперь мире они одни бросались в глаза. Пальцы сделались непослушными от волнения, однако сумели запустить БУАГ, пока другой рукой я нащупал разрез на поверхности металла. Зараза, фонарик! Был же фонарик! Я

включил его, шлёпнув по кнопке на груди, и принялся зашивать прореху. Ну почему всякий раз так? Стоит допустить одну ошибку — и дальше всё идёт наперекосяк.

Я лихорадочно думал, на чём теперь можно сэкономить время, чтобы успеть и спастись, но все окна возможностей остались позади, распахнутыми. К своему ужасу я увидел время и бросил инструмент как есть. Нет, нет, нет! Дыра в корпусе была заделана, капсула спасена, но я безнадёжно погиб.

Оттолкнувшись ногами от капсулы, я придал себе импульс и затем, как безумный, поплыл вверх к свету, который сперва пробивался сквозь пучину, становился ярче и гуще и, наконец, опалил меня, превратившись в электрическую лампу.

Вода не успела ещё стечь с водолазной маски, как я содрал её и воскликнул в оштукатуренный потолок:

— Ларин! — и вскинул руку.

Вот так я погиб. Три штрафных секунды и болтающаяся на поверхности мокрая башка Лекомцева в десяти метрах от меня — он уложился в тайминг, как и в прошлый раз.

— Снова я тебя сделал! — просияла его голова.

Я бы из тебя котлету сделал, не будь ты мне другом, гадина. Так я подумал, а сказал... Что тут скажешь? Плеснул в его сторону водой от обиды, да и всё.

Благодаря пирокситу, серьёзный порез над правым глазом почти зажил за полтора часа, но ещё побаливал. Толь-

ко бровь не заросла в том месте и выглядит так, будто я её выбрил в угоду моде. Ну и ладно, а то с раной бы меня ни за что в воду не пустили. Шикарное средство пироксит — дезинфицирует и лечит.

С другой стороны, ближе к краю большого квадратного бассейна из лазурной воды вынырнула Вега. Она сперва подняла руку и только потом оторвала от лица маску.

— Галицына! — но инструктор уже записал её.

Суровый белобрысый мужчина в спортивном костюме стоял у края бассейна с планшетом и записывал время каждого из нас, щёлкая секундомером. Подняв глаза на меня, он бросил исподлобья:

— Ларин, где герметик? — слова отразились от стен и захлебнулись.

— Бросил.

Инструктор, бывший чуть эмоциональнее учебного компьютера, слегка покачал головой и отметил что-то в планшете.

— Что? — возмутился я. — Говорили же, не обязательно!

— Желательно, — сказала Вега, подплывая к нам. — Сказано было: «Желательно инструмент сохранить». Так больше баллов поставят.

— А ты сохранила?

Вега крутанулась, повернувшись спиной. Под её гладкими, обтянутыми резиной плечами на креплении висел инструмент, напоминавший дрель, только с носиком в виде тю-

бика. Она завершила пируэт, и на место БУАГа мгновение спустя со всплеском вернулось её лицо.

— Молодец, а у меня всё пошло через... — начал оправдываться я, но тут же смолк. — Говно это всё. Невесомость с этим лягушатником не идёт ни в какое сравнение.

— И даже в лягушатнике ты тонешь, — встрял Лекомцев.

— Я рождён летать, а не плавать.

А... — сказал Лекомцев, с важным видом, задрав подбородок. — Тогда я — селезень.

— А я чайка, — призналась Вега.

А я отвернулся к окну, которое пересекало чёрной полосой космоса одну из стен. Отсюда, снизу, на его фоне были видны пара куполов кислородных станций и антенна центра управления полётами Пятого космодрома. Мы сейчас были совсем рядом по меркам Кольца, в учебном крыле. После нас на занятия сюда должны прийти курсанты. Двухместный звёздный катер за стеклом взмыл ввысь, оставив рассыпавшийся сиреневый шлейф. Куда-то он? Посудинка мелкая, топлива в нём хватит до Луны с возвратом, но если дозаправиться у спутника, то можно и к туристической станции на Марсе причалить. «А я — солнечный ветер», хотелось сказать. Да глупо.

Когда выйду на пенсию, тоже куплю себе двухместный катер, и будем мы с Аней рассекать в космосе просто так, для удовольствия. Или ещё с кем-нибудь, какая разница? А чего ждать, собственно? Может, в кредит смогу позволить хотя

бы и самый простецкий космолёт, чтобы стать самому себе капитаном, ни от кого не зависеть, исполнять не миссии, а свои желания и лететь туда, куда захочу, а не куда Косминститут пошлёт.

След от катера успел рассеяться, когда на поверхность всплыл Давид. Он тоже возвратился с БУАГом, и я вдруг ощутил себя самым никудышным из нашего квартета. Ещё пара таких неудач, и я сам попрошу Королёва вычеркнуть меня из списка участников экспедиции.

— Лёв, ты опять первый? — спросила Вега, болтаясь, словно буёк под боком у Лекомцева.

— Угу.

— Красавчик. На чём ты время экономишь? — спросила девушка.

— Да как-то, не знаю, — ответил Лёва, глядя в сторону.

Ко мне навстречу тем временем дрейфовал Давид. Ну почему девчонки всегда достаются Лекомцеву, а мне приходится развлекать стариков? А если я нырну и продержусь под водой достаточно долго, он исчезнет? Ох-х...

— Андрей, уложился?

— Не-а.

— И всё равно лучше меня.

Ну спасибо!

— Я стараюсь всё сделать аккуратно, — продолжал Давид.

— Но выходит медленно. Со скальпелем и пинцетом попроще управиться, чем со сварочным аппаратом.

— А мне проще с голыми руками, так что я БУАГ на дне оставляю.

— Так баллы же снимают.

— Ну, пускай снимают.

— А если он тебе ещё понадобится? — пристал Давид.

— Здесь — не понадобится. Здесь я за ним сейчас нырну, достану, а на следующей тренировке мне выдадут новый. А как дело дойдёт до реального космоса, разумеется, там всё будет по-другому.

— Нельзя недооценивать тренировки.

Громко выдохнув, я с тоской посмотрел на выбравшуюся из воды широкоплечую фигуру Лекомцева. За ним с двумя полотенцами трусила Вега. Влюбилась.

— Да шучу! — хохотнув, Давид хлопнул меня по плечу, и я ушёл под воду.

Всё утро я поднимал себе настроение беседами с самим собой и выскочил из дома таким воодушевлённым, только чтобы драный улыбчивый автоматон на парковке списал с меня штраф за простой «Стрелы». Вчера вечером я забыл взять у него талон — такое со мной бывает. Спасибо за отрицательный баланс на карте — это именно то, что мне нужно!

Так или иначе, на магистрали я разогнался и въехал на скоростную левую рельсу. Открыл окошко, весна была безвкусной здесь, над городом, где языки трасс сплетались словно в поцелуе, где металл стирался о металл, а люди, люди за-

нимались кто чем, гоня на автопилоте быстрее всякого метро.

Аню я набрал прямо на автомониторе. Пара гудков и она ответила:

— А?

— Привет тебе! Это Андрей, звоню с машины.

— Так она у меня записана. Привет. Куда едешь?

— Да на работу, — это не было ложью, после неё туда я и направляюсь. — А ты дома?

Ответ заглушил придурок, промчавшийся возле моего окна на дребезжащей развалюхе, и оставил шумный след в воздухе. Сегодня на дороге все какие-то нервные.

— Не услышал, — переспросил я.

— Да, говорю, дома. А что?

— Просто интересно, как ты.

— Да всё нормально.

«А будет отлично», решил я и попрощался.

Мысль догоняла меня, плетясь позади рейлкара. Затем дорога спустилась в город, и мне пришлось сбавить скорость. Хорошо хоть в Москве все переходы уже подземные, и ехать можно без остановок.

Аня жила в тридцатизэтажной высотке кремового цвета. Первые два этажа её были выложены ониксовым гранитом. Маленький дворик в форме трапеции от шумной улицы отделял чёрный решётчатый забор. За ним на сравнительно небольшом пятачке помещалась насыпная дорожка, скамей-

ки, две отцветающие вишни, вокруг которых ютились туи ростом со второклассника, и два розовых куста по обеим сторонам от дорожки: красный и розовый. Премиальное жильё по современным быстро возводимым меркам родом из прошлого десятилетия.

Охранник уже запомнил меня и отправил на лифте. Я нащупал в кармане кольцо и позвонил в дверь. Она не ждала меня — это должен был быть сюрприз. Так и вышло. Я никогда не встречался с Аниными родителями, — оттого их смурные лица на пороге удивили меня.

— Здравствуйте, — растерялся я.

— Здравствуйте, — растерялась и Анина мама. Как её... Как-то же её зовут? А папу она всегда называла Бруно. Блестяще подготовился! Так.

— Аня дома? Мы с ней вроде встречаемся. Я Андрей, — сказал я и протянул матери руку с кольцом.

Она как-то назвалась, но я прослушал, всем телом переживая звон упавшего украшения и представляя, как раскалывается бриллиант. Хотя что будет бриллианту! Я нагнулся и живо подхватил его, пока эти двое не заметили.

— Встречаются, поняла? — обратился Бруно к своей супруге с усмешкой. Увидел ли он кольцо? — И давно?

— «Давно» — понятие растяжимое, — огрызнулся я и вдруг понял, что передо мной стоит ректор «Косатки».

Да хоть Альберт Эйнштейн! — его тон мне не понравился. Главное фамилию свою не произносить.

— Ты на вопрос ответь, не ёрничай, — пригрозил Бруно.

— Три месяца. Вы скажите, пожалуйста, Аня дома?

— Нет Ани, ушла куда-то, — без особой любезности объяснила мать. — Мы вернулись час назад, её не было.

— Понял, — только ответил я и, развернувшись, поплёлся к лестнице.

— Эй, попрощаться не хочешь, любовничек? — прикрикнула в спину мать.

— Видишь, у него печаль. Спросить же Аньку заранее ума не хватило.

Их упрёки разбились о мою спину. Смешно тебе, Бруно? Смейся. Только зачем же она обманула? Правда, зачем? Чтобы я не узнал, где она? Или — с кем она? Слишком часто я думаю об изменах. С другой стороны, измена — то, что всегда нужно держать в голове, когда встречаешься с такой ветреной девушкой.

Я бестолково падал с одной ступеньки на другую, отступивая неровный ритм.

Аня живёт «сегодня», но с чего я взял, что я сам не остался во «вчера»? Она целует меня и делает это так просто, будто ей не составит труда поцеловать кого-то ещё... А в общем... Какой я идиот! Мы молоды и беззаботны — так к чему всё усложнять?

Бух-бух — я переваливался с ноги на ногу, и кольцо барахталось в широком кармане.

Чем же мы обязаны друг другу? Пока ничем. Так для чего

мне быть кораблём и искать прикола, когда я сам могу стать таким же, как она, потоком. Мы бы встретились и путешествовали вместе, пока на то наша воля. А дальше океан рассудит. Так я и планировал, пока не влюбился, пока она не вскружила голову. Но влюблённость — совсем не повод менять привычки. Влюблённость проходит.

За следующей ступенькой встретилась дверь. Она оказалась тяжёлой — я навалился всем телом, и по лицу хлестнул свежий воздух, прокуренный цветами.

Волосы после фена растрепались недостаточно, и, выйдя в общую раздевалку, я разворошил их руками. В зеркале улыбался круглолицый бабай. Так-то лучше.

А на против — мой любимый вид: панорамное окно! За многое, при желании можно было поругать Косминститут — за не самые современные аудитории или за некоторых особо утомительных преподавателей, — но какие-то волшебники на должности архитекторов умудрялись перекрывать своими чудесами все недостатки. И вот, любой курсант или сотрудник, выйдя из душа после бассейна, мог вытираться, глядя в глубину мира, по которой, словно мост утекала поверхность Кольца с его причудливыми зданиями, похожими формой на болты, гайки, резисторы и прочие детали, с каналами, по которым пучками света неслись капсулы общетранса. Ты трёшь спину и ощущаешь себя Императором Галактики на мостике разрушителя планет. А внизу, под ободком Станции

светится Земля.

Напялив майку, я шагнул к шкафчику и открыл его магнитным браслетом. Остановил падающий рюкзак и одним движением забросил его на плечи. Со звоном из шкафчика вылетело кольцо, но я заметил блеск и схватил его ещё в воздухе. Сердце облегчённо продолжило биться. Мне бы эту ловкость да двадцать минут назад в бассейне.

В ладони осталось колечко, крохотное — легче вдоха — серебряное с бриллиантом, похожим на слезинку ангела. Оно должно было стать якорем и остановить ревущую бригантину моей жизни. Так я и собирался поступить — встать посреди течения и каждый день ждать, что принесёт поток сегодня. Но с утра произошло так много всего, словно ещё одну жизнь прожил. Может, Аня права, и пока мы молоды, нужно ловить кайф и не пытаться построить что-то грандиозное?

Мне ведь всего двадцать три! А ей девятнадцать. Мы знакомы-то месяца три, и за эти три месяца я увидел и попробовал больше, чем за двадцать три года. Сколько себя помню, всегда был уверен, что любовь должна в итоге создать семью, но с Аней так не получится. Можно ли поймать мгновение за хвост? Приручить дикую лисицу или только поиграть с ней и отпустить на волю? Ладно, посмотрим.

— Не умерла ещё романтика в мире, — пропела мне на ухо Вега, и я захлопнул ладонь.

Обернувшись, я чуть не чмокнул Вегу в губы. Так близко

она стояла, заглядывая мне через плечо. Девушка была замотана в полотенце, под которым, наверное, ничего не было. Я зажал её нос между двух пальцев и оттянул. Вега жалобно застонала.

— Она умрёт не раньше наглости и любопытства.

— Я девочка, — сказала Вега, отступив и потирая покрасневший нос. — И имею право помечтать о принце, который позовёт замуж с настоящим кольцом, а не с электронным приглашением. Знаешь, как девушкам в наше время не хватает колец?

— Знаю. Ты за этим пошла в космонавты? Кольцо тут знатное.

— Нет, не за этим. Я знаю избранницу?

Я помотал головой и сел на лавку. Как редкие мушки во дворе, вдали курсировали космические корабли. Но я перебросил ноги на другую сторону и уставился на Вегу. Мои родители женились без церемоний, просто расписались. Про предложение я не спрашивал — такие вопросы обычно девочки задают — но оба никогда колец не носили.

— Сейчас почти все отправляют приглашения онлайн и кидают ссылку. Удобно, но ценность момента стёрлась.

— Я обязан спасти этот мир, вернуть в него настоящую любовь, — с глаз долой я сунул кольцо в карман.

— Повезло твоей, — заметила Вега, прильнув спиной к шкафчику.

— Твоему тоже. С тобой. Лекомцев так и светится от сча-

стья.

— Так заметно? — робко спросила она.

— Чтобы светился? Нет, это ирония.

— Злая ирония, — вздохнула она. — Я про... меня и него.

— А, ну, скажем так. Даже Королёв, похоже, в курсе. Одному Лекомцеву невдомёк.

— Всё ему вдомёк, — грустно сказала Вега. — Я даже сегодня его звала в кино вечером. Ну так. Вроде по-дружески, а вроде с девушкой по-дружески в кино и не ходят, — Вега потупила взгляд. — Сказал, занят.

Мне стало как-то некомфортно, когда я понял, что Вега нашла во мне свободные уши и подружку для нытья. Будто меня насильно всунули в юбку и расчесали.

— Может, и вправду занят? — сказал я, подумывая, как бы улизнуть.

— Ты бы бросил дела, наверное, чтобы погулять с девушкой, которая тебе нравится?

— Смотря какие дела. Может, у него вебинар «Как полюбить себя ещё сильнее». Или съёмка для нового выпуска «Мистер Вселенная». Или...

Но Вега уже смеялась. Редко она смеётся.

— Не заметила: давно ты бровь выбрил?

— Сегодня, — я потрогал затянувшуюся рану, и та засадила. — Пора уже молодиться.

— Я уверена, весь Косминститут считает, что я присосалась к Лёве, чтобы разом устроить и свою карьеру, и личную

жизнь.

— Не-ет, — соврал я.

— Так вот, я скажу хотя бы тебе, чтобы ты знал.

Я встал, чтобы уйти, как только уличу паузу в её речи. Ну нет у меня времени сплетничать о мальчиках. И желания тем более.

— Я чувствую, что у меня есть, только не смейся, какое-то предназначение там, — она мотнула головой вверх, хотя космос окружал нас без исключения со всех сторон.

— Пока не знаю какое. Понятия не имею, в чём оно заключается. Но буду летать всё дальше, пока не выясню.

Интересно. Я гукнул, как филин, и самоустранился из раздевалки, предоставив её во власть всепожирающего мира за стеклом.

Вега умела выкрутить любую тему до вселенского масштаба. Должно быть, я бы проникся её уверенностью и разделил бы мечты о возложенной на нашу экспедицию судьбоносной миссии. Так и будет, если мы вернёмся к этому разговору в другой раз. А в этот день произошло столько всего, что я мечтал об ужине, горячем зелёном чае с жасмином и тупняке в подушку. Всё это необходимо было пережить в одиночестве и полной тишине, чтобы понять, как жить дальше.

«Стрела» мчалась к станции шаттлов, и я служил ей автопилотом. На работу я мог позволить себе опоздать, но точно не на предполётную тренировку! И не в бассейн, где меня

ждёт реванш с Лекомцевым. Аню не стал доставать — пусть живёт как хочет и врёт, если ей нужно. Мне только надо научиться быть таким же беззаботным.

Справа в окнах домов отражались другие окна домов и моя красная машина на их фоне — точно авто главного героя. В ненарочных зеркалах держались могучие стены столицы и раскидистые её площади. Главный герой всегда бодр и не падает духом!

И всё же меня учили тому, что нужно построить семью. Всех нас учили. И раз я купил кольцо, — не значит ли это, что я встретил того человека, с которым хочу умереть? Что ж, умирать я пока не хочу, так что и для семьи, значит, рано.

Пропустив светофор, я проехал на загоревшийся красный в считанных сантиметрах от женщины в зелёном. И белая шапка на ней была... Тьфу, аккуратнее! О чём я думаю?

Об Ане и о том, какая она умная в свои девятнадцать! Ну врёт она мне. И я ей совру когда-нибудь. Мне хорошо с ней, и этому не помешает даже кто-то, кто пройдёт через светящуюся арку в её квартире после меня. Чем дольше мы не женаты, тем дольше я останусь к этому безразличен.

Виском я ударился о руль так, что в глазах вспыхнули искры ярости, а затем их затянуло алой пеленой. Сквозь неё я увидел, что мой рейлкар сошёл с рельсы и развернулся перпендикулярно ей. Сердце укатило в пятки, но тут же его выбил оттуда новый удар, которым меня бросило на приборную панель: лицом я разбил экран, а экран, судя по хрусту,

разбил мне что-то важное на лице. Звук мнущегося металла знатно меня напугал, и, мучаясь от боли, я затаил дыхание. «Стрела» остановилась, подставив бок другим машинам. Прошло полминуты, прежде чем я понял, что всё ещё жив. Я потрогал лицо, и пальцы испачкались кровью. Славно! — у мертвецов кровь не идёт. Страх — отличная анестезия, и боль куда-то пропала, я только слышал шум электромоторов. Но те ехали по соседним полосам.

Снаружи всё оказалось не так плохо, как можно было ожидать. Моя «Стрела» перекрыла две рельсы из четырёх в этом направлении своим скособоченным от удара капотом и уцелевшей частью корпуса. Метрах в двадцати впереди остановилась «Ласка», и серый ARG-saloon, в народе — «Арег». Я так погрузился в мысли, что стал перестраиваться, глядя в пустоту перед собой, и зацепил зад «Арега» и...

Какое счастье, что это произошло в городе, где быстрее ста километров рельсы не разгоняют. И «Ласка» успела перестроиться, только цепанув мне кузов. Случись такое на трассе, она бы просто располовинила меня вместе с рейлкармом. От этой картинки меня передёрнуло. Ведь я так запросто мог погибнуть из-за собственной рассеянности. Даже не заметил бы этого. Жил, переживал, любил — трах, и всё бы прекратилось. А что было бы потом? Вечная тьма?

Липкая капля скатилась по щеке из рассечённой брови. Машины мчались в стороне от меня, а те, что ехали к месту аварии, тормозили и перестраивались. Мне вдруг стало так

страшно, как не бывало прежде никогда. Словно ребёнку. И непременно захотелось позвонить Ане, только чтобы услышать её и сказать, что всё в порядке.

Глава IV «Девочка с Луны»

Голубой огонёк побежал по световой ленте и исчез, не достигнув конца. Затем снова вспыхнул, ринулся к краю линии подсветки, погас и, наконец, надоел мне. В иллюминаторе были видны только старые неподвижные звёзды, похожие на брызги белой краски, да верхушки нескольких куполов. Холодный космос глядел куда-то в сторону, подставив мне самую невзрачную часть своего непомерного тела, будто я уткнулся в бочину этого колосса, чуть пониже рёбер. Хотя я хорошо помнил, как ещё утром на Земле в мареве таял последний апрельский день; как жара своею тяжёлой дланью касалась крыш и пыталась прикрыть уснувшие краны.

Вселенной нет дела до наших времён года — она живёт своею жизнью, от центра которой мы так далеки. И всё же, мне хотелось верить, что она про нас помнит. Ларсик с ума сойдёт за девять месяцев разлуки — промелькнула у меня мысль. Он же такой неженка. С другой стороны, за это время мама вырастит из него настоящего тигра. Или даже двух, если исчислять в объёме. А тигры, насколько я знал, никогда не скучают.

Исчерпав даже самые отчаянные способы развлечься, я решил выбраться из своей берлоги. Но, не дожидаясь, пока я перейду от мысли к делу, судьба подкинула под дверь моей каюты Давида с новостями.

— Мы никуда не полетим, — уронил он, разведя руками. Комедиант.

— Камень с плеч! Я как раз вспомнил, что оставил дома самые красивые джинсы. А путешествовать по Галактике без них я не имею никакого морального права.

— У нас полетел насос в техотсеке, — объявил Давид.

— Уже полетел? А мы его догоним?

Он только криво улыбнулся. На Давиде был тот же белый с голубым костюм, что и на мне — водолазка, штаны на шнурке, свободные и тёплые. Лицо у него покраснелось и покрылось испариной.

— Инженер говорит, насос. Там ерунда, подкрутили разболтавшиеся гайки. Ему теперь нужен кто-то, чтобы толкнуть ротор.

— Толкнуть?

— Два других насоса уже работают, а в третьем отскочил вал, и ротор заглох. Я не смог расшевелить колесо, а ты покрепче.

Давид был сложен неплохо, но через чур худощав для своего приличного роста. Узкое тело изгибалось во всех местах, где ему было положено, но силы в нём не было.

— А Лёва? — поинтересовался я, уже выходя в коридор.

— Вон он, Лекомцев, занят.

И биолог ткнул куда-то за угол, к которому мы направлялись.

Я немного пригнулся, Давиду приходилось перенимать

привычки диплодока и сгибать шею едва ли не под прямым углом, чтобы не задевать потолка. Проходы на звездолёте были широкими, но низкими. Вдоль белых, словно больничных стен, подобранные стяжками, тянулись провода и трубки. По трубам текла горячая жидкость, которая будет согревать нас в полёте. Пол и потолок повторяли друг друга, потому что в условиях невесомости их положение — не существенно. И мне приходилось перешагивать через прикрытые решёткой светильники, от точных копий которых я уворачивался головой. Кое-где в стенах виднелись технические дверцы, размером с куриную грудку. Их можно было отличить по контуру стыка — изящно и удобно: ударил, и дверца открыла тебе мясо корабля.

«Пилигрим» был новым, нелетавшим. Потому на борту всё было чисто, цело, а кое-что даже обёрнуто плёнкой. Например, пульт от лампы в кают-компании, которая, кстати, могла светиться одним из семи цветов или искриться всеми сразу. Кому-то (я даже не знаю, из Института или из медиа-гигантов) кажется уместным делать из космонавтов «своих ребят», которые могут и дискотеку закатить. Причём, обязательно, транслируя её на Землю. Ну, с тем, что из нашей профессии пытаются сделать спектакль, я смирился уже давно. Лишь бы работать давали.

Из-за угла навстречу нам вышагнул журналист и тут же сфотографировал нас на телефон. Я шарахнулся в сторону, и мы разминулись. Только когда его крючковатый нос про-

плыл мимо, я сообразил, что волосы у меня снова слежались треугольником, а сам я пригибаюсь под низким потолком. В общем, в историю я вступлю чудаковатым и горбатым. Но нагнать репортёра и попросить его переделать снимок я уже поленился. Тем более, их тут по «Пилигриму» шарится — что у студента грантов. Такое событие — для аккредитованных СМИ проход свободный. Кто-нибудь да переснимет нормально.

Лекомцев как раз давал интервью короткой, в полчеловека, девочке с приятным лицом и конским хвостиком на макушке. Она прицепила Лёве петличку на грудь и снимала его на телефон. А сама, конечно, поверх экрана гипнотизировала капитана таким взглядом, будто Лекомцев с детских лет являлся ей во снах, и теперь она встретила объект своих обожаний *dal vivo*.

Он был прекрасен — с правильным, пускай и грубоватым лицом, ровным ёжиком, отточенными движениями и низким голосом уверенного в себе человека. Лекомцева любили камеры, а Лекомцев любил их. Оба не знали, что они только катеты любовного треугольника, в котором мне-гипотенузе досталась роль скромного наблюдателя.

Я знал, что Лёва поступает правильно, влезая в разинутый рот каждого журналиста или блогера. Он показывал себя миру, и люди восхищались им — красивым и публичным космонавтом, который, к тому же, за словом в скафандр не лезет. Разве не о таком мужчине принято мечтать? Я тоже так

хотел, но всякий раз сталкивался с каким-то невидимым барьером, который почти физически тормозил меня при первой же попытке подойти к журналисту. Не выставлю ли я себя придурком, если сам попрошусь на интервью или хотя бы комментарий? И я принимался ждать, пока своей загадочной, деловитой молчаливостью не привлеку репортёра. Иногда подходили. Когда больше никого не оставалось. Но в большинстве случаев эти рыбки клюют на таких, как Лекомцев.

Я вдруг подумал о том, что ближайшие девять месяцев проведу в крохотных каютах, под каблуком потолка, лазая между ними, откровенно говоря, — как крыса по водопроводным трубам. «Пилигрим» был массивным, но большей частью состоял из начинки. Плюс толстые стены, защищавшие нас от радиации. Людям оставалось совсем немного места.

Мои мысли скакали из стороны в сторону, как мустанг, и я решил сгрузить своё замечание Давиду. Он как-то неоднозначно поддакнул и даже не повернулся ко мне, глядя в сторону входа, палуба которого была разинута и зияла куском чёрной от гари взлётной платформы. Давид был каким-то дёрганным и непривычно молчаливым с утра. Должно быть, переживал.

Чтобы подобраться к насосам, нам пришлось протиснуться через узкий проём на корме. Едва приблизившись к нему, я почувствовал, как воздух вокруг стал теплее — отсюда тру-

бы отводили кипяток к носу, где он естественным образом остывал и спешил назад.

Давид пошёл первым, и я влез боком вслед за ним. Меня тут же обдало банным жаром, дышать стало труднее. Я сделал два коротких шажка вправо, стараясь не касаться тянувшейся в десятке сантиметров от меня трубы — она наверняка была раскалённой, — и вдруг Давид остановился.

— Скорее! — прикрикнул я, чувствуя, как с чёлки готовится сорваться капля пота.

Не проронив ни слова, Давид двинулся дальше. Мы ввалились в слабо освещённое помещение, по обеим сторонам которого из пола торчали два здоровых полуколеса. Когда глаза привыкли к мраку, я разобрал, что это целые колёса, половина которых просто уходила под пол. Их соединял вал, в темноте отливавший багрово-рыжей калью.

— Аккуратно переступай, оно горячее, — предупредил механик, которого я сперва и не заметил в тусклом свете одной единственной красной лампы.

Он стоял по ту сторону вала и блестел, как умасленный блин.

— Почему так жарко? — спросил я. — Мы же стоим.

— Двигатели-то прогреть надо. Взлёт — это самая... — он подбирал слово. — Короче, на него больше всего топлива и энергии уходит.

— Вот этот надо толкнуть, — тяжело дыша указал Давид. Оба колеса оставались неподвижны, пока вал вращался.

— Этот не может, каши мало ел, — сказал механик, имея ввиду Давида. — Там сзади есть пазы, в них можешь упереться. Только ногой, иначе обожжёшься. Когда я соединю с валом, скажу, и толкай.

Я кивнул. Воздух пах металлом и совсем не наполнял лёгкие, сколько бы я ни вдыхал его.

Я пролез за ротор, в пространство между шестернёй и стенкой — здесь было так мало места и до того душно, что на секунду я подумал, что вот-вот потеряю сознание. Взяв себя в руки, я с трудом разглядел выемку в колесе, куда как раз смог упереться носком.

— Давай, — выдавил я и прильнул спиной к горячей стене, почувствовав, как вымокла водолазка.

Что-то страшно заскрежетало, словно сама Земля сошла со своей оси. «Давай!» — отозвался механик, и я что есть сил надавил на колесо. Ход там был, но оно не поддавалось. Ещё через пару усилий я отнял ногу, сорвал душившую тело водолазку и швырнул её через механизм в сторону Давида.

Лязг мучившегося металла разрывал мои уши, виски пульсировали походным барабаном. Вздохнуть больше не получалось — только сдохнуть. Часть меня уже приняла смерть от асфиксии, когда другая — издала крик, быстро свалившийся в гортанный рык.

Я снова опёрся вспотевшей спиной на стену и обрушился на колесо уже двумя ногами, повиснув над полом, как гамак. Адреналин лупил в голову.

— Толкай! — подгонял механик.

— Андрей! — подгонял Давид.

— А-а-э-э! — хрипел я сквозь зубы.

Потная спина соскальзывала, но за мгновение до того, как я упал, шестерня сдвинулась и медленно покатилась, а за ней и соседка. Сразу стало легко. Я ударился лопаткой о какой-то угол, но чувство удовлетворения притупило боль. Похоже, я содрал кожу. Голова немного кружилась, когда я выбрался к товарищам.

— Красавчик, — похвалил меня механик, хлопая по плечу и мешая натянуть одежду. — Прямо, мужик в доме.

Я показал оттопыренный большой палец. Но вместо того, чтобы ответить, — сухо закашлялся.

— Я в душ, — объявил я Давиду, когда мы, промокшие до нитки, вернулись в коридор и вдоволь надышались.

Где же капитан, когда он так нужен? Щеголяет, не иначе. Интересно, вёл он себя так же во время прошлого полёта или честолюбие овладело им теперь, когда он стал первым человеком в другой системе? По-моему, он всегда был таким самовлюблённым. Ну, кому камеры, а кому грязная работа.

— Нет, — выпалил Давид.

Это было выше моих сил.

— Чего вдруг? Я хочу искупаться.

— Нет, нет, нет.

Давид уже не смотрел на меня. Он нацелился на трап глазами телёнка, сообразившего, что его ведут на убой. Я сразу

догадался, что происходит, и поймал его за подмышки как раз тогда, когда он дёрнулся вперёд.

— Я не могу, я не...

— Стоять, — спокойно и строго произнёс я. Вообще-то, меня не учили бороться с чужой истерикой. Но наитие сработало на ура, — Куда? Не спеши.

— Андрей, пусти! — возмущался Давид, стараясь заглянуть мне в лицо. — Я имею право. Я учёный, а не космонавт. Я боюсь.

— Не надо. Тебя здесь никто не держит.

— Как же? — он подался вперёд, доказывая обратное.

— Так надо. Если ты не хочешь, никто тебя насиловать не будет. Только не убегай, договорились?

Что бы он ни ответил, я не стал бы верить. Из-за моего плеча вынырнула та самая девочка, что брала интервью у Лекомцева, и попыталась сфотографировать нас с Давидом. Бойтесь своих желаний.

— Ах ты, зараза! — крикнул я.

Держа беспокойного Давида, я задрал ногу и, как настоящий мастер кунг-фу, пнул руку журналистки. Телефон выпал из неуверенных ладоней, но, похоже, не разбился.

— Вы что делаете?

— А ты что делаешь? Тебе бы понравилось, если бы тебя сняли в таком виде? А он — учёный! Давид, ты как?

— Я до этого не был в космосе, — признался биолог.

Так. Взгляд его был по-прежнему полоумным, когда я поз-

волил ему развернуться.

— Но ты же был на Кольце? Это то же самое.

— Нет, — запротестовал Давид, однако он уже не тараторил и дышал ровнее. — В таком маленьком звездолёте, так далеко от Земли. Я боюсь.

Всем телом я ощущал, как колотится его сердце.

— Чего ты боишься?

— Потеряться там. Задохнуться здесь.

— Клаустрофобия?

— Нет, — ответил Давид. — Я... Мне легче, если не знать, что можно выйти. Это как страх войти в кабину фуникулёра. Когда страшна не высота, а то, что обратного пути не будет. Когда трогаешься, всё проходит.

— Умом трогаешься, — безрезультатно пошутил я. — Я понимаю. Вспомни, как долго мы готовились, как тщательно разрабатывалась экспедиция. Конечно, сейчас можно всё бросить, тебя не отправят в космос против воли. Но это не поступок профессионального учёного, вся миссия пойдёт насмарку. Я тоже летал в первый раз, и боялся того же самого. И ничего со мной не случилось. Это всего восемь месяцев.

— Девять.

— Ну, девять. Фуникулёр ведь всегда возвращается на станцию.

— Надеюсь. Я всё это понимаю, Андрей. Всё в порядке, летим. Это просто минутная слабость.

Девчонка куда-то делась вместе со своим телефоном. Захочет компенсацию — так я уже буду в паре световых лет от неё. Я не заметил, сняла ли она нас, в итоге. А, в общем, чёрт с ней. Я попытался обнять Давида, хотя он и был выше, но учёный резко отстранился и надул грудь.

— Лучше так. Подожди, мне нужно пространство, подышать.

И он потянул руки назад. Словно замахиваясь двумя графитами.

Было тихо. Носовой части «Пилигрима», в которой располагалась кают-компания, не доставал даже расслабляющий рокот двигателей. Всё-таки, звездолёт был достаточно велик для четверых астронавтов. Когда все ложились спать, наше путешествие казалось мне ненастоящим, метафоричным, психоделической дорогой за границы реальности. Ведь пока ты стоишь на Земле, невозможно уложить в голове, что над тобой нависает нечто бесконечно большее, чем ты можешь вообразить.

Я ходил к лобовому иллюминатору, что побольше каютных, смотреть на Луну, к которой мы неторопливо приближались. Вернее, отсюда казалось, что мы едва движемся, хотя на самом деле мы рвались к ней, преодолевая десятки километров в минуту. Словно запечатлев взглядом образ этого маленького молочно-белого диска на чёрной скатерти Ничего, я аккуратно нёс его в своей памяти. Это не глобус, это по-

настоящему. Оказавшемуся зажатым в четырёх непроницаемых стенах, мне оставалось только фантазировать о том, как минута от минуты, секунда от секунды наш пышущий пламенем железный дракон уносится прочь от Земли. Надёжная твердь оставалась всё дальше, а мы — я — всё безнадежнее тонул в ином, совсем не понятном пространстве. Которое раскрывалось передо мной медленно, как непорочная девушка. Совсем иначе, чем Аня, которая была роскошна и, наверное от того, раскрепощена. Эта леди — лукаво подмигивала мне глазом-Луной. Смертельно опасная, грозившая жуткой ледяной гибелью наказать за любую ошибку. Или вообще готовая убить по случаю, из неудачного настроения.

Мы летели к Луне, как давным-давно космонавты «Аполлона». Только если их Госпожа Вселенная удостоила лишь заигрыванием, наш путь лежал куда глубже — в самое лоно её.

Воображая всё это, я будто уносился в то незапамятное прошлое, когда люди, не обуздавшие ещё реактивной тяги, глядели в ночное небо и зарисовывали на бумаге его карту. Затирали до белым окуляры телескопов и мечтали прогуляться по просторам галактики. Сейчас мы шагнули дальше, чем могли помыслить наши предки, но вместе с покорёнными просторами выросли и наши амбиции. Оставалось надеяться на то, что Вселенная поддастся нашему напору.

Опалённая слабым светом далёких светил, в нише на моей кровати, обняв себя за одно колено, безнадежно глядя в бес-

конечность, сидела Вега. Абсолютно нагая, как клён в феврале. Я никогда не видел её такой... загадочной. Её формы могли бы стать образчиком античной красоты, а уязвимая поза — вдохновить художника Ренессанса.

Она не была полной. Скорее, крепкой и немного грубой, подобно гетере. Плечи, на которые ниспадали угольно-чёрные волосы, были не покатыми — но почти прямыми. Две налитые, как спелые сливы, груди нависали над складкой живота. Сжатые бёдра прятали подстриженную копну таких же чёрных волос.

Только затем я удивился. Впрочем, в этот мистический вечер грань реальности, как мне виделось, была необычайно тонка, и могло произойти всякое. Я поглядел на электронные часы, что выделялись из темноты на столике. Было 84:73. А стартовали мы в 12:32. Долго летим. Это мы так преодолели магнитное поле.

— Мне кажется, Вселенная безгранична, — философски заметила Вега.

— А мне кажется, Солнце горячее.

Вега повернулась и блеснула такими оскорблёнными глазами, что я сразу сообразил, куда мне лучше засунуть свои фортели.

— Я имею ввиду, — разъяснила она. — Немыслимо огромна. Невозможно велика. И что значит даже наш полёт? Если бы мы могли долететь до её краешка, за то время, что мы добирались бы до него, Вселенная отодвинула бы его в

миллиард раз дальше. Да и того расстояния мы не можем себе вообразить. Знаешь, за определённым рубежом счёта, который нам уже сложно вообразить, цифры начинают просто бессмысленно множиться.

Похоже, Вега совсем не стеснялась своей наготы.

— И если для нашей планеты мы только крошечные песчинки — настолько она велика, — то на по-настоящему бескрайнем полотне Вселенной нас просто... не существует.

Глаза у Веги были на мокром месте. Я увидел это сбоку, потому что она опять смотрела в иллюминатор, словно рассчитывая увидеть-таки краешек Вселенной и поверить в то, что её жизнь что-то значит. Я пристроился рядом и тоже уставился на звёзды.

— Вега, — сказал я. — Наверное, каждый космонавт испытывает это ощущение ничтожности. Но мы, всё-таки, с Земли. И там наша миссия что-то значит. Очень многое значит, если по-честному уж. Думаю, нам рано жить в масштабах космоса. А пока мы соотносим себя с родной планетой, наше дело и наше тело, — я как-то случайно погладил её мягкую ногу. — Велико.

Я лгал. Только что я сам представлял, частью какого безмерного волшебства оказался. И мне было приятно считать себя, пусть совсем незаметным, но сподвижником этого лёгкого укола в плоть галактики. Разница между нами была в восприятии: её собственная незначительность угнетала, а меня — вдохновляла победить предрассудки и сделать что-

нибудь великое. Теперь я подбираю слова, чтобы отвести Вега от грани этой космической меланхолии. Я знал, что сейчас, в этой темноте, между нами не было совсем ничего. Да, я был одет. Но наши души заполнили кабину, как газ. И, по всем законам физики, смешались.

От моего прикосновения Вега вздрогнула. И разрыдалась.
— А ещё... А ещё, — сквозь всхлипы говорила она. — Я чувствую себя её матерью. И я безумно горжусь ею. Андрей, я чувствую себя матерью Вселенной.

Что ей на это ответить? Мне-то всегда казалось, что это мы — дети Вселенной. И такое положение дел было куда проще. Отдать себя в руки великана куда легче, чем опекать его. Назваться родителем демиурга значит то же самое, что стать богом над богами и отвечать за саму Вселенную и всех существ, её населяющих. А кто знает, сколько их там?

— А почему ты так считаешь? — только и спросил я.

— Ты, наверное, не поймёшь. Это материнский инстинкт. Когда видишь маленького ребёнка и становится ясно, что он твой. Так бывает даже в роддоме: если сойдёт программа, мать может почувствовать, какой малыш её.

— Это-то малыш? — я кивнул в необъятное.

— У меня даже пошло молоко, — созналась Вега. Она больше не плакала. — Вся одежда вымокла, и тогда я поняла. Я так горжусь тем, как царственна моя дочка. Это моя Вселенная. Прости за мой вид, правда. Просто вся одежда испачкалась, я испугалась и сорвала её и...

— Да не беспокойся. Наверняка Давид сможет объяснить молоко. Я слышал, такое бывает у женщин. Из-за стресса или ещё чего-то.

В прочем, к Давиду я пока боялся подходить с этим вопросом — пусть сперва оклемается от того, что Земля осталась в прошлом на ближайшие три четверти года. А Вега не очень-то хотела меня слушать. Тем временем блин Луны в иллюминаторе стал перекрывать лик её чада. Он медленно наплывал, высвечивая столик с кружкой, коробкой чая и часами, шкафчик, вторую пару обуви у входа, мягкое тело Веги. Она шмыгнула носом. Кажется, ей не было до этого никакого дела. Сейчас ей нужен был кто-нибудь рядом, как никогда прежде. Вега безмолвно кричала об этом.

Определённо, я не хотел её. Несмотря на то, что атмосфера, а может, и сама Вега к этому подталкивали. А ничего больше я ей предложить не могу. Быть матерью-одиночкой для Вселенной безумно сложно, и того и гляди она принялась бы искать отца. И лучше мне не попадаться под руку. В конце концов, всё это было перебором даже по моим меркам. Мне нравится любоваться космосом, но вот брать на себя бремя опекунов над ним я никогда не планировал. Как можно рассматривать сумчатого волка в зоопарке, не возлагая на себя никаких обязательств. Эту роль Вега предназначала Лекомцеву, пусть он её и сыграет.

И я решил оставить Вегу. Не выгонять же её из каюты в таком виде. И в таком знакомом мне состоянии открытого

ума. Когда любая вспышка способна обернуться пожаром. Ей нужно было провести время наедине со своей идеей материнства. Так я сказал себе, уходя. Хотя знал — теперь ей нужен я.

— Ты любишь меня? — крикнула она, когда я стоял у открытой пневмодвери.

Взгляд был жалобным, как у плюшевой игрушки. Как у женщины, которую собираются бросить. На этот вопрос есть правильный ответ, но мне он не дался.

На исходе этого дивного и тяжёлого дня голова моя плыла, а разум, разум наполовину уже дремал. Отбой пробил, и в тусклом коридоре я едва разбирал дорогу. Я топал, чтобы в последний раз посмотреть на Луну, пока она так близко. Когда я проснусь, она уже снова превратится в пуговку, летящую в пропасть позади «Пилигрима». Впереди же нас ждали химерические пёстрые туманности, кольца диких планет и пылающее Жар-Птицей чужое солнце.

Нет, Вега, — праздно рассуждал я. — Я не чувствую себя их отцом. Мне жаль, что тебе придётся растить их из Большого Взрыва одной, и ты можешь считать меня трусом. Но в этой экспедиции я предпочту остаться созерцателем.

Какая Вселенная, если я даже за Аню ответственность отказался взять. А как назвать иначе? Собирался выдать её за себя. Но вот, я улетаю в экспедицию почти на год. И это повторится ещё не раз, я не бросил бы космос ради неё. Как не откажешься от отца ради матери.

В тот раз, когда я попал в аварию. Она призналась, что готовила мне сюрприз и уехала забирать его на другой конец города. Это была карта звёздного неба в картонном тубусе, выполненная на заказ: каждое созвездие обрамлял соответствующий ему образ — Кентавр с натянутым луком, тонкая Дева, косматый лев, все они были высечены линиями разных цветов. Эту красоту я тут же повесил на стену, чмокнув Аню. И каждый раз, проходя мимо думал: в самом ли деле тогда она забирала мой подарок?

А если однажды она уйдёт к другому? Или, что даже хуже, не уйдет, но полюбит того, кто рядом? — спрашивал я себя. И что с того? — отвечал я себе. И пока продолжался этот нескончаемый диалог, пришла пора прощаться. Я отсалютовал Ане и надел скафандр. А в нагрудном его кармане лежало серебряное колечко.

Миновал жилой отсек, короткий ряд ниш с растениями. Я заглянул в кают-компанию, освещённую на время сна только скромной технической лампой. Отсюда лежал путь к кокпиту. Кают-компания с круглым столом посередине и вмонтированным в него экраном, окружённом двумя дугами вращающихся стульев; две ниши со столиками и кожаными креслами, словно попавшие сюда из кабаре; маркерная доска у стены, на которой ещё плясали лёвины каракули; а в особенности — вертикальная лестница, ведущая к кокпиту. В красной полутени они выглядели inferнально, как в ужастике про инопланетян-инсектоидов. Мне очень захотелось вернуться

к Веге, в свою каюту, где мы были в полной интимной безопасности. Но со мной случилось наваждение, и я пересилил страх. С моим сознанием происходило что-то странное, как то бывает при сильной усталости в поздний час, когда давно следовало бы спать. И ты медленно качаешься на волнах утекающей реальности.

Прямо на панели ручного управления, на фоне циклопической громады приближавшейся Луны, лежал какой-то ком тряпья. Сонливость снесло, как освежающей метелью. Здесь же никого не было после меня?

Трезвея рассудком, я приблизился и заглянул в тряпки. Из них торчало уродливое лицо младенца со слипшимися глазами. Всё покрытое слизью, с парой прядей выпавших из-под пелёнки редких волос на голове. Ребёнок то ли спал, то ли был мёртв. Трогать его мне было бы противно. Тут уже меня как из ведра студёной водой окатило. И вся романтика мигом испарилась.

Глава V: «Что делать с найдёнышем?»

Давид скакал из одного угла медпункта в другой, гоняя ветры полами своего халата, как супергерой. В его движениях не было суеты — он четко знал, что делает. Сперва он уложил малютку на стальной томографический стол, слишком большой для такого тельца, и расположил над ним средний облучатель рентген-аппарата. Давид задёрнул серебристую шторку, отделявшую оборудование от остальной части каюты, и нажал на вмонтированную в стену кнопку. Раздалось жужжание, но больше ничего не произошло.

Затем биолог с ловкостью кондитера сунул под мышку девочке термометр, как свечу в торт, и на всякий случай стянул её ручки и туловище ремнём. Хотя она вела себя даже слишком тихо для новорождённой — не хныкала, а только шевелила конечностями, открывая новые способности своего тела. И с недетским любопытством рассматривала медпункт. Когда малышка открыла рот, Давид опустил в него ватную палочку и собрал слюну. Он вставил палочку в специальную планшетку с отверстиями, задвинул её под окуляр микроскопа и принялся изучать.

Девочка, тем временем, послушно мерила температуру. Она выглядела совершенно обычным человеческим ребён-

ком, и этим немного пугала.

В пределах Солнечной Системы «Пилигрим» можно было оставить на автопилот. Почти наверняка это ничем не грозило.

Мы — Я, Лекомцев, и Вега — конечно, бросили свои постели и столпились на пороге медпункта, не решаясь помешать Давиду даже словом. По расписанию, я сейчас должен был проверять курс звездолёта, но отложил это до времени. В конце концов, я предложил всем не мучить Давида нашим строгим надзором и перебраться ко мне в каюту. Желая услышать подробности моей истории, они согласились. Хотя ничего нового я в своей рассказ добавить не смог бы.

Как пошёл смотреть на Луну, как в рулевой меня встретило это дитя в невесть откуда взявшихся пелёнках. Как, переборов отвращение и боязнь трупов, я пощупал его, увидел живые глазки и налитые губки, как с облегчением взял его и потащил к Давиду.

Вега сидела всё в той же позе, подобрав ногу, на моей постели, только теперь одетая. Я гадал, не приснился ли мне наш интимный разговор? С тех пор, должно быть, прошло не больше полутора часов, но мне уже трудно было отличить явь от видения. И единственной уликой оставался ребёнок, в подлинности которого я не сомневался.

Вега смотрела не в чёрный иллюминатор, а на меня, встревоженная. Рядом с ней Лекомцев уже размышлял, как действовать дальше. Видно было, что его одолевала усталость;

он боролся с нею, растирая и без того опухшие глаза. Меня же устраивала роль рассказчика, и, кончив свою историю во второй раз, я заложил руки за спинку кресла и раскрутился.

Каюта обернулась вокруг меня и, когда след от Лёвы соединился с его фигурой, фигура уже говорила.

— Чертовщина какая. О найдёныше, по-хорошему, нужно было сообщить на Землю сразу. Но коль у нас плановый сеанс связи через полчаса — если Давид Иванович успеет, мы сможем доложить сразу подробности о найдёныше.

— Те, которые знаем, — поправил я. — Скорее всего, ребёнок подбросил кто-то до старта. Вот поэтому нехрен пускать на борт кого попало.

— Чушь! — возмутилась Вега. — Зачем бы? Да и с твоей версией не очень сходится. Ты сказал, — она указала на меня пальцем, и я почувствовал себя виноватым. — Что за час до этого был в рулевой, и там никого не видел. Да и любой за день с лишним заметил бы свёрток. Иначе на борту должен быть кто-то, кто таскает его по кораблю.

— Не исключено!

За несколько стен от нас что-то грянуло — может быть, Давид какой прибор уронил. Лекомцев поморщился, снял ногу с ноги и принял позу древнегреческого философа на пляже Средиземного моря. Он тонко чувствовал ту грань, когда обсуждение перетекает в неуместную демагогию.

— Она же целый день не ела, — заметил он. — Бедный ребёнок наверняка голоден. Так, давайте решать сперва те

вопросы, которые можем ни с кем не согласовывать. У нас есть в запасах молоко, но нет соски. Ладно, девочка может сосать кусок ткани, верно?

Чтобы наверняка не выставить себя придурком, я промолчал. Однако Вега помялась немного и созналась, что может кормить грудью. Брови Лекомцева полезли на лоб и выше. Я всерьёз испугался, что ещё одно потрясение его добьёт.

— Этого не хватало. Ты что, беременная?

— Нет! — вспыхнула Вега. — Просто, так бывает...

— При стрессе там, — поддакнул я.

— Тогда меня тоже скоро сможете доить, — предупредил Лекомцев, ущипнув себя в районе сосков. — Ты знал, что ли, Ларин? Такой спокойный.

Ну, во-первых, как оказалось, знал. Во-вторых, теперь я старался искусственно возродить в памяти образ голой Веги. Сонливость уже передала эстафету возбуждённому приливу крови к мозгу. И мне нравилось слушать, как эти двое придумывают выход из положения. Огорчало только понимание того, что с грудничком на руках нас в любом случае вынудят вернуться, чем скорее, тем лучше. Дополнять идеи мне нравилось куда больше, чем предлагать их. Такую возможность нужно ценить, когда участвуешь в беседе троих. Вот и теперь я только пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.